Третій годъ изданія.

ИСКРА

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

„Изъ искры возгорится пламя!“... Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 40. 15-го мая 1903 года. № 40.

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ГОДЪ.

(1 мая 1902 — 1 мая 1903 г.)

Революціонный годъ, закончившійся нынѣшнимъ майскимъ праздникомъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе богатыхъ такими событіями, которыя не проходятъ безслѣдно для рабочаго движенія.

Цѣлый рядъ грандіозныхъ конфликтовъ между трудомъ и капиталомъ развернулся въ теченіи истекшаго года. Никогда еще за одинъ годъ не происходило столько такъ называемыхъ „генеральныхъ“ стачекъ — стачекъ, устраиваемыхъ пролетаріями цѣлой отрасли производства во всей странѣ или всѣхъ отраслей — въ одномъ районѣ.

Майскій праздникъ прошлаго года справлялся пролетаріатомъ подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ крупной неудачи, только что понесенной бельгійскими рабочими во всеобщей стачкѣ апрѣля 1902 г., представлявшей одно изъ грандіознѣйшихъ выступленій международнаго пролетаріата. Не успѣли замолкнуть толки о бельгійской всеобщей стачкѣ, устроенной для борьбы за всеобщее избирательное право, какъ въ Швеціи началось такое-же движеніе и съ той-же цѣлью, на этотъ разъ увѣнчавшееся частичнымъ успѣхомъ. Съ этого момента болѣе или менѣе „всеобщія“ стачки смѣняютъ одна другую въ разныхъ концахъ цивилизованнаго міра.

Всеобщая стачка марсельскихъ рабочихъ, громадныя стачки углекоповъ въ Соединенныхъ Штатахъ и во Франціи, стачка сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Галиціи, всеобщая стачка въ Женевѣ, ноябрьская стачка въ Ростовѣ на Дону и его районѣ, январская стачка въ Голландіи, мартовская — тамъ-же и, наконецъ, генеральная стачка въ Римѣ — таковъ итогъ революціонныхъ выступленій международнаго пролетаріата за послѣдній годъ, поскольку мы не выходимъ изъ сферы непосредственной экономической борьбы. А совсѣмъ на дняхъ въ далекой Австраліи имѣла мѣсто всеобщая стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ.

„Всеобщая стачка“ представляетъ довольно элементарное средство классовой борьбы пролетаріата и отнюдь не можетъ считаться тѣмъ единоспасающимъ средствомъ, какимъ его провозглашаютъ анархисты и не освободившіеся отъ ихъ вліянія соціалисты въ разныхъ странахъ. Концентрируя всю боевую энергію революціоннаго пролетаріата въ той именно сферѣ, гдѣ буржуазія неизмѣримо сильнѣе его, противопоставляя колоссальной матеріальной силѣ капитала пассивный отказъ отъ работы, предполагая для своего успѣха такую степень организованности, которая недостижима при капитализмѣ, — такъ называемая, всеобщая стачка представляется методомъ борьбы, въ большинствѣ случаевъ заранѣе обреченнымъ на неудачу, такимъ методомъ, который, развивая громадную энергію массового движенія, растрачиваетъ большую ея часть крайне непроизводительно.

Но если какъ средство борьбы за непосредственное освобожденіе пролетаріата или за увеличеніе его правъ въ современномъ обществѣ, всеобщая стачка является средствомъ неполнымъ, одностороннимъ и неэкономнымъ, то велико ея значеніе симптоматическое, т. е. ея значеніе, какъ показателя наростающей, концентрирующейся и неудержимо проявляющейся революціонной энергіи класса, идущаго къ своему окончательному освобожденію. А то, такъ сказать, упражненіе чувства классовой солидарности и революціоннаго самоотверженія, которое для широкой массы рабочихъ связано съ всеобщей стачкой, является хорошей школой дальнѣйшаго соціалистическаго развитія этой массы.

Да, всеобщая стачка есть элементарное средство борьбы рабочаго класса, оказывающееся недостаточнымъ почти каждый разъ, когда ставкой въ данномъ актѣ борьбы является нѣчто хотя бы немного большее, чѣмъ интересы капитала одной какой-либо группы буржуа. Какъ только ставка превышаетъ этотъ невысокій уровень, передъ объединеннымъ всеобщей стачкой пролетаріатомъ встаетъ „богъ-капиталъ“ во всемъ своемъ величіи, во всей своей бездушной, безчеловѣчной и безпринципной силѣ, буржуазное общество въ его цѣломъ, одушевленное однимъ интересомъ — интересомъ чистогана, преслѣдующее одну только цѣль самосохраненія и предъявляющее къ пролетаріату одно требованіе — требованіе покорности. И вотъ почему тѣ грандіозные конфликты труда съ капиталомъ, которые именуются всеобщими стачками, пріобрѣтаютъ громадное значеніе, разоблачая истинный характеръ буржуазнаго общества.

Это разоблаченіе становится тѣмъ поучительнѣе, и тѣмъ плодотворнѣе оно дѣйствуетъ на классовое самосознаніе пролетаріата, чѣмъ болѣе рѣзко противорѣчатъ разоблачаемые факты тѣмъ идеямъ, которыя въ предшествующій періодъ съ особенной силой работали надъ затемнѣніемъ пролетарскаго сознанія. Всѣмъ извѣстно, что именно послѣдніе годы отличались по истинѣ необузданнымъ распространеніемъ идей о такъ называемомъ „соціальномъ мирѣ“ между имущими и неимущими, который якобы подготовляется совершающимся якобы „притупленіемъ противорѣчій“, характеризующихъ капиталистическое общество. Оперируя съ немногочисленными фактами, характерными не для всего капиталистическаго развитія, а только для тѣхъ его моментовъ, когда промышленность находится въ періодѣ процвѣтанія, новѣйшіе апостолы „соціальнаго мира“ похоронили марксову „догму“ о постоянномъ развитіи соціальныхъ противорѣчій и о непримиримости классовыхъ интересовъ въ современномъ обществѣ, объявили соціальное освобожденіе пролетаріата возможнымъ безъ потрясенія самыхъ основъ буржуазнаго строя, провозгласили, что при демократическомъ режимѣ формы пролетарской борьбы могутъ „смягчиться“ въ виду якобы распространяющагося при такомъ строѣ среди всей „націи“ признанія за рабочимъ движеніемъ права на существованіе. Съ наступленіемъ промышленнаго кризиса всѣ карточные домики, построенные проповѣдниками „соціальнаго мира“ и ихъ легковѣрными послѣдователями изъ числа соціалистическихъ оппортунистовъ, мгновенно развалились, и капиталистическій строй вновь предсталъ во всемъ своемъ великолѣпіи. О томъ, какъ демократическія страны идутъ на встрѣчу „соціальному миру“ — повѣдали пролетаріату солдатскія ружья, выставленныя противъ стачечниковъ демократической государственной властью Франціи и Швейцаріи, Голландіи и Бельгіи. Исключительные законы въ Голландіи и подсказанные грубыми классовыми интересами драконовскіе судебные приговоры въ Бельгіи и Женевѣ показали еще разъ, какое реальное значеніе имѣетъ для классового движенія пролетаріата демократизація государственной власти. При рукоплесканіяхъ большей части буржуазіи голландскіе государственные дѣятели провозгласили и провели въ жизнь принципъ, согласно которому право стачекъ кончается тамъ, гдѣ затрагиваются существенные интересы буржуазіи въ ея цѣломъ, и этотъ принципъ былъ тотчасъ-же перенесенъ на германскую почву въ рѣчи прусскаго министра; въ Англіи — этой прославленной всѣми соціаль-реформаторами и оппортунистами странѣ „соціальнаго мира“ по преимуществу — въ Англіи простыми судебными рѣшеніями у тредъюніоновъ отнимается право пропаганды стачки и на нихъ-же возлагается отвѣтственность за убытки, причиненные капиталистамъ стачками... Болѣе того: на „дѣвственной“ почвѣ Австралійской демократіи всеобщая стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ побуждаетъ правительство внести въ парламентъ проектъ по истинѣ „каторжнаго“ закона противъ стачекъ. Оказывается, что пока современный соціальный строй — несмотря на политическій прогрессъ — обезпечиваетъ классовую диктатуру буржуазіи, до тѣхъ поръ всѣ отвоеванныя пролетаріатомъ у буржуазіи политическія позиціи, всѣ свободы и права каждую минуту могутъ быть отвоеваны обратно: что только революціонная организація и революціонный отпоръ пролетаріата являются гарантіями сохраненія этихъ правъ. Пролетаріатъ видитъ, что въ современномъ капиталистическомъ обществѣ право „экономической борьбы“ признается за нимъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не воспользуется этимъ правомъ для нанесенія буржуазіи сильныхъ ударовъ. И вотъ почему демократическая свобода, далекая отъ того, чтобы смягчать классовые конфликты, напротивъ, доводитъ ихъ до наиболѣе остраго выраженія, по скольку съ бьющей въ глаза яркостью констатируетъ неизмѣнность пролетарскаго безправія передъ классовой диктатурой буржуазіи. И вотъ почему „соціальный миръ“ есть вредная и пустая фраза, а грозной дѣйствительностью является „война на жизнь и смерть“.

Право на стачку является основнымъ условіемъ сколько нибудь успѣшной экономической борьбы пролетаріата. Такимъ-же основнымъ условіемъ для борьбы политической является избирательное право. Много слышали мы въ послѣдніе годы (особенно во Франціи) сказокъ о томъ, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ для пролетаріата пропадаетъ необходимость готовиться къ завоеванію классовой диктатуры, что при всеобщемъ избирательномъ правѣ за пролетаріатомъ обезпечена возможность достаточнаго и все растущаго вліянія на государственную машину. Истинную цѣну всѣмъ этимъ сказкамъ мы могли опредѣлить въ прошломъ году, когда германскій пролетаріатъ воспользовался своимъ избирательнымъ правомъ для того, чтобы дать рѣшительное сраженіе аграрной реакціи, предпринявшей опустошительный набѣгъ на карманы всей бѣдной части населенія. Стоило только всеобщему избирательному праву оказаться дѣйствительно серьезнымъ оружіемъ въ рукахъ пролетаріата, защищающаго интересы культуры и всѣхъ трудящихся, — чтобы въ Германіи былъ поставленъ на очередь вопросъ объ упраздненіи этого права, объ отнятіи политическихъ правъ у неимущихъ, о водвореніи пролетаріата за предѣлы буржуазной „легальности“. Германскій пролетаріатъ долженъ былъ убѣдиться, что охраной его политическихъ правъ въ современномъ строѣ является только его готовность дать революціонный отпоръ всякой реакціонной попыткѣ, а эта готовность къ успѣшной оборонительной войнѣ прямо пропорціональна его готовности къ войнѣ наступательной, къ борьбѣ за государственную власть, къ борьбѣ за соціальную революцію. Буржуазное общество до тѣхъ поръ только допускаетъ участіе пролетаріата въ своей государственной власти, пока это участіе не затрагиваетъ основныхъ интересовъ руководящихъ въ современномъ обществѣ политическихъ силъ. За этими предѣлами никакая „легальность“ не можетъ удержать представителей буржуазнаго общества отъ перенесенія борьбы на „грубо-матеріалистическую“ почву, гдѣ рѣшаетъ сила.

Перипетіи борьбы германскаго пролетаріата противъ таможеннаго законопроекта показали также, какъ химеричны въ свободныхъ странахъ надежды на измѣненіе взаимныхъ отношеній между соціалистической и либеральной, т. е. между пролетарской и буржуазной демократіей. Эти надежды, составлявшія центральный пунктъ политики соціалистическихъ оппортунистовъ, снова посрамлены поведеніемъ нѣмецкой буржуазной демократіи въ такомъ именно вопросѣ, гдѣ дѣло шло не спеціально о классовыхъ интересахъ пролетаріата, а объ интересахъ всей демократической части націи, гдѣ, слѣдовательно, буржуазно-демократическія партіи могли-бы, не поступаясь интересами своихъ буржуазныхъ избирателей, вести политическую борьбу противъ реакціи рядомъ съ пролетаріатомъ. На дѣлѣ, за вычетомъ ничтожной кучки либераловъ, группирующихся около Барта, нѣмецкіе „свободомыслящіе“ всячески тормозили борьбу соціалистовъ и кончили тѣмъ, что предали ихъ. Поставленные между партіей реакціи и партіей пролетарской революціи буржуазные демократы еще разъ проявили свою политическую безхарактерность, свою неспособность отстаивать дѣло свободы, отстаивать тѣ самые идеалы, которые нѣкогда были провозглашены ихъ отцами. Дѣло защиты интересовъ культуры, интересовъ громаднаго большинства народа цѣликомъ падаетъ на революціонный пролетаріатъ.

Въ Бельгіи либералы измѣняютъ движенію въ пользу избирательной реформы въ тотъ именно моментъ, когда ихъ помощь, обѣщанная пролетаріату, могла бы быть полезной, и когда общее дѣло — борьба противъ клерикальнаго врага — оказывается проиграннымъ вслѣдствіе ихъ измѣны, они же малодушно предаютъ ярости побѣдителей борцовъ рабочаго класса. Въ Голландіи либералы почти въ полномъ составѣ участвуютъ въ травлѣ стачечниковъ-рабочихъ, помогаютъ проводить исключительные законы, кричатъ: „распни его“ капиталистамъ, увольняющимъ тысячами „своихъ“ наемныхъ рабовъ. Въ Англіи либералы измѣняютъ трэдъюніонистамъ, когда послѣдніе требуютъ огражденія правъ стачки. Въ Женевѣ „радикальное“ правительство высылаетъ военную силу противъ забастовщиковъ. Вездѣ та же картина.

Вездѣ организованный пролетаріатъ въ борьбѣ за интересы своего класса противостоитъ всему буржуазному обществу, которое, не смотря на раздирающія его внутреннія разногласія, является единымъ, когда затронуты существенные интересы частной собственности. „Классъ противъ класса“ — таково, въ концѣ концѣ, положеніе вещей въ свободномъ европейскомъ государствѣ, и чѣмъ свободнѣе, чѣмъ демократичнѣе его форма, тѣмъ рѣзче въ извѣстный моментъ выступаетъ этотъ основной фактъ современной жизни. И передъ логикой этого факта, какъ карточные домики, разлетаются всѣ построенія оппортунистовъ, увлеченныхъ софизмами буржуазныхъ пророковъ. Бернштейніанская идиллія разрушается грубой капиталистической дѣйствительностью, и она — этотъ лучшій учитель — проясняетъ пролетарское самосознаніе и его революціонизируетъ.

Болѣзни, привитыя рабочему движенію бывшимъ еще недавно въ полномъ разгарѣ оппортунистическимъ „кризисомъ“, понемногу исцѣляются. Сильный ударъ нанесенъ оппортунизму бельгійскому урокомъ всеобщей стачки; германскій пролетаріатъ снова переживаетъ періодъ революціоннаго подъема; идея неумолимой классовой борьбы прививается къ швейцарскимъ соціалистамъ; недавно еще „реформистская“ въ большей своей части итальянская рабочая партія постановляетъ, наконецъ, разорвать компрометирующую связь съ буржуазнымъ правительствомъ, а французскій сознательный пролетаріатъ все тѣснѣе сплачивается около революціонно-соціалистической партіи, предоставляя Мильеранамъ и Жоресамъ ту среду лавочниковъ, чьи интересы они въ сущности представляютъ. И не менѣе глубокая „размежевка“ быстро происходитъ въ нашемъ отечествѣ, гдѣ всѣ силы пролетарскаго движенія все рѣшительнѣе становятся подъ знамя революціонной „марксистской“ соціальдемократіи, въ то время, какъ соціализмъ оппортунистическій, вопреки своему злоупотребленію революціонной фразой, все яснѣе разоблачаетъ свою сущность, сущность мелкобуржуазнаго „демократизма“.

Русскимъ революціонерамъ приходится вести отчаянную, неслыханную борьбу за введеніе въ Россіи тѣхъ конституціонныхъ учрежденій, которыя существуютъ въ Западной Европѣ и которыя, какъ мы упоминали, отнюдь не являются факторомъ, „смягчающимъ“ классовыя противорѣчія и классовую борьбу. Русскій пролетаріатъ беретъ на свои плечи всю тяжесть борьбы за демократію, хорошо зная, что демократическій режимъ облегчитъ дальнѣйшее развитіе тѣхъ основныхъ „устоевъ“ современнаго общества, которые вырываютъ все болѣе глубокую пропасть между неимущими и имущими, между пролетаріями и собственниками. Когда въ зап.-европейскихъ странахъ велась борьба за основныя демократическія вольности, тогдашніе революціонеры глубоко вѣрили въ то, что демократія создастъ дѣйствительное „равенство“, что она положитъ конецъ классовому гнету и классовой борьбѣ. Эта вѣра наполняла энтузіазмомъ сердца тогдашнихъ борцовъ, она сдѣлала тогдашнихъ демократовъ революціонерами по духу, она дала выходцамъ изъ буржуазіи ту идейную и моральную силу, которая позволила имъ увлечь за собой всѣ живые элементы народа, которая сплотила весь народъ въ революціонную армію.

Революціонеры современной Россіи лишены этой наивной вѣры европейскихъ людей недавняго прошлаго. Современнымъ русскимъ революціонерамъ извѣстно то, что оставалось закрытымъ для ихъ историческихъ предшественниковъ. Они знаютъ, что сверженіе „стараго порядка“ будетъ не концомъ, а всего лишь прологомъ великой соціальной борьбы; что демократія не уничтожитъ, а, наоборотъ, разовьетъ до конца классовыя противорѣчія нашего общества.

Старыя иллюзіи невозможны въ наши дни; онѣ и не нужны революціонному пролетаріату, ибо тамъ, гдѣ онѣ ихъ раздѣлялъ въ извѣстную эпоху, ему много стоило освобожденіе отъ ихъ чарующей власти. Чтобы бороться всѣми своими силами за демократію, пролетаріатъ отнюдь не долженъ видѣть въ ней конечную цѣль своихъ стремленій; съ неменьшей страстностью будетъ онъ за нее бороться, если будетъ считать ее ближайшимъ этапомъ на пути къ своему полному освобожденію. Но другіе соціальные слои, заинтересованные въ демократическомъ переворотѣ, находятся въ иномъ положеніи: ихъ классовые интересы будутъ всецѣло удовлетворены болѣе или менѣе полной демократизаціей политическихъ формъ современнаго соціальнаго строя. Дальнѣйшее общественное развитіе несетъ этимъ слоямъ упадокъ ихъ соціальнаго значенія, и они не могутъ связывать свои идеалы съ этимъ развитіемъ. Для этихъ демократическихъ слоевъ, поэтому, борьба за политическую свободу не можетъ не отравляться мыслью о томъ, „что же дальше?“ Въ свойственномъ каждому борющемуся классу инстинктивномъ стремленіи достичь максимума революціон-

наго напряженія представители этихъ слоевъ страстно хватаются за всякую представляющуюся имъ возможность создать себѣ ту иллюзію, которая 50 или 100 лѣтъ назадъ спаяла арміи революціонныхъ борцовъ на Западѣ.

Въ короткое время мы пережили цѣлый рядъ такихъ попытокъ со стороны русской демократіи выработать такую политическую „формулу" своего движенія къ свободѣ, которая устранила бы этотъ проклятый для нея вопросъ — „что же дальше?" Въ бернштейніанствѣ пыталась она снова возвести въ перлъ созданія политическій строй развитого капиталистическаго строя, „смягчающій" классовыя противорѣчія и устраняющій классовую борьбу. Въ новѣйшемъ якобы „идеализмѣ" ея представители ищутъ такой идеологіи, которая бы освятила либеральныя свободы, какъ „самоцѣль" и принизила бы значеніе революціонныхъ требованій соціализма... Въ „революціонномъ авантюризмѣ" крайнее крыло этой демократіи ищетъ такихъ формъ политической борьбы, которыя ослабили бы ея связь съ классовыми задачами пролетаріата.

Тщетны всѣ эти попытки бороться съ объективнымъ ходомъ вещей, перемѣщающимъ центръ русской революціи въ среду именно пролетарскаго движенія. Съ силой революціонной стихіи движеніе русскаго пролетаріата разрушаетъ старыя и не даетъ сложиться новымъ иллюзіямъ демократіи: въ виду обнаженной классовой борьбы въ свободныхъ странахъ Европы чахнутъ, не успѣвъ разсвѣсть, всѣ побѣги новыхъ демократическихъ идеологій. Революціонно-концентрирующая сила всѣхъ демократическихъ паролей оказывается ничтожной, и всякая идеологическая борьба противъ революціоннаго соціализма, не создавая новыхъ революціонныхъ центровъ, только разслабляетъ общенаціональное движеніе противъ царизма. Быстро свершаетъ свое развитіе русское бернштейніанство, посѣявъ среди извѣстной части рабочихъ сѣмена „легализаторскихъ" стремленій, культивируемыхъ нынѣ полицейской реакціей, а въ политической жизни растворившись въ умѣренномъ, неспособномъ къ борьбѣ либерализмѣ. Быстро вянетъ и блекнетъ революціонизмъ фразы, и временный его успѣхъ ничѣмъ не отражается на общей борьбѣ съ царизмомъ, кромѣ посѣяннаго тамъ и сямъ скептицизма, кромѣ достигнутой кое-гдѣ дезорганизаціи боевыхъ силъ революціи. И новѣйшее „идеалистическое" движеніе не успѣваетъ еще оформиться, какъ уже явно для всѣхъ, желающихъ видѣть, его адепты являются проводниками политическаго индифферентизма и политической дряблости... Русскій революціонеръ нашего времени не можетъ проявить свой активный протестъ противъ существующаго режима, становясь подъ знамя борьбы съ революціоннымъ соціализмомъ. Поскольку онъ самъ не становится соціалистомъ, онъ можетъ остаться борцомъ, лишь признавая надъ собой гегемонію пролетарскаго движенія. Только слѣдуя за революціоннымъ пролетаріатомъ, русская демократія можетъ успѣшно работать надъ сокрушеніемъ ненавистнаго царизма. Пониманіе этой истины, несомнѣнно, проникаетъ въ широкіе круги демократической интеллигенціи по мѣрѣ того, какъ мужаетъ и проявляетъ свою зрѣлость русское рабочее движеніе.

Истекшій революціонный годъ далъ въ этомъ отношеніи не мало. Понемногу сошло на нѣтъ либерально-земское движеніе, пріостановилось въ своемъ развитіи самостоятельное движеніе студенчества, обнаружилъ свое безсиліе терроризмъ, свой неоправданный оптимизмъ — новѣйшее революціонное крестьянофильство. Только революціонный пролетаріатъ шелъ по восходящей линіи, постепенно ускоряя темпъ своего развитія. Сормовскій и Саратовскій процессы, ноябрьскія событія въ Ростовѣ на Д., февральскія и мартовскія демонстраціи — показали, что революціонность пролетаріата неустанно растетъ даже въ моменты сравнительнаго политическаго затишья. Растетъ и организованность его авангарда — русской соціальдемокраіти. Вмѣстѣ съ расширеніемъ агитаціи и распространеніемъ ея на все новые слои пролетаріата, шла весьма интенсивная внутренняя организаціонная работа, которой удалось уже сдѣлать много для упроченія партіи и усиленія ея политическаго вліянія. Недалекое будущее завершитъ первую, труднѣйшую часть этой важной работы, и объединенная Россійская Соц.-Дем. Рабочая Партія во главѣ руководимыхъ ею народныхъ массъ поведетъ всесторонній и планомѣрный походъ на твердыню самодержавія.

Русская демократія за послѣдніе только годы испытала не мало политическихъ „увлеченій", въ результатѣ которыхъ остался осадокъ разочарованія. Только пролетаріатъ не обманулъ ничьихъ революціонныхъ надеждъ. Содѣйствовать успѣху его движенія — дѣло простого политическаго разсчета всѣхъ тѣхъ, кому дорога политическая свобода. Бороться въ его рядахъ — единственный исходъ для революціонера, желающаго неразрывно связать борьбу настоящаго съ высшими идеалами человѣчества.

ТАРТЮФЫ РЕВОЛЮЦІОННОЙ МОРАЛИ.

Съ появленіемъ такъ называемой „партіи" такъ называемыхъ соціалистовъ-революціонеровъ" въ нашемъ революціонномъ движеніи заняло видное мѣсто революціонное декламаторство и фразерство, чуждое лучшимъ временамъ нашего движенія. Русскій революціонеръ какъ будто бы пересталъ *стыдиться* фразы, какъ будто бы разучился отличать пафосъ, согрѣтый глубокимъ чувствомъ, отъ пафоса вымученнаго, ходульнаго, неискренняго. Какъ просто держались тѣ герои революціи, тѣ дѣятели 70-хъ годовъ, которые такъ дороги намъ, уподоимъ далеко отъ нихъ въ своихъ политическихъ взглядахъ! И какъ мизерны, какъ пошлы нынѣшніе ихъ „подражатели"! То, что первый разъ въ исторіи было трагедіей, во второй разъ оказывается фарсомъ!

Герои политической драмы всегда нравственны въ глубокомъ смыслѣ слова, а потому не любятъ много говорить о нравственности. Герой фарса любитъ „нравственные" разговоры. Онъ, подобно Грибоѣдовскому герою,

„Когда о честности высокой говоритъ
Какимъ-то демономъ внушаемъ;
Глаза въ крови, лицо горитъ,
Самъ плачетъ, и мы всѣ рыдаемъ."

конечно, кромѣ тѣхъ, кто смѣется.

Солжетъ и, закативъ глазки, прочтетъ „предику" о „правдѣ-истинѣ", распространитъ клевету — и, бія себя въ грудь, скажетъ прочувствованное слово о „правдѣ-справедливости"; пуститъ змѣиный шипъ ненависти — и распространится о согрѣвающей его пустое сердце „братской" любви, осрамитъ дѣло революціи опереточнымъ выступленіемъ — и напомнитъ о „славныхъ традиціяхъ". Онъ плодитъ невѣріе въ научное знаніе, презрительно третируетъ теорію и апеллируетъ къ инстинкту; это не мѣшаетъ ему говорить медовымъ голосомъ о „критической мысли". Онъ спекулируетъ на ваинченность настроенія своей революціонной аудиторіи, онъ строитъ свой временный успѣхъ на нетерпѣливости незрѣлыхъ умовъ, на благородномъ, но непродуманномъ порывѣ неустановившихся характеровъ; — это не мѣшаетъ ему съ пѣной у рта и со слезой въ голосѣ говорить о тѣхъ, кто развращаетъ „малыхъ сихъ"... И, заражая революціонную атмосферу міазмами базарной рекламы, шумихой фразъ и бездѣльнымъ пустословіемъ, онъ походя киваетъ на работниковъ пролетарской революціи, благочестиво благодаря своего Господа за то, что не сотворилъ его такимъ, какъ иные прочіе.

Годъ тому назадъ „революціонные беллетристы" сдѣлали неудачую попытку подѣлиться славой, которая досталась юному герою, воспитанному русскимъ соціальдемократическимъ движеніемъ. Уличенные на мѣстѣ, наши Удушьевы и Репетиловы наговорили много фразъ о своей нравственности и „приказали" себѣ не отвѣчать на неудобные вопросы, задаваемые имъ соціальдемократами. „Но соблазнъ былъ великъ" — трудно было удержаться отъ того, чтобы еще разъ погрѣться въ лучахъ чужой славы, чтобы еще разъ покозырять мертвымъ тѣломъ въ борьбѣ съ пролетарскимъ соціализмомъ... Еще не омывшіе срама, которымъ покрыла ихъ неудавшаяся попытка „пристроиться" къ дѣлу 2-го апрѣля, они помѣщаютъ двѣ „юбилейныя" статьи, въ которыхъ съ безцеремонностью, отличающей эту породу политическихъ дѣятелей, брызгаютъ въ соціальдемократію дѣйствительно чистой кровью С. В. Балмашева. Чего стоитъ, напримѣръ, эта милая фраза въ № 22 „Рев. Россіи": „Пусть... содрогнется сердце всякаго борца за свободу, если онъ не всего себя отдаетъ дѣлу, если не всю силу своихъ мышцъ(!), не всю энергію своихъ нервовъ онъ напрягаетъ въ борьбѣ, — и на немъ лежитъ часть отвѣтственности за то, что еще проливается кровь, еще не стали лишними эти жертвы. *Пусть еще больше жгучимъ стыдомъ содрогнется(!) сердце тѣхъ, кто разстраиваетъ ряды борцовъ, кто увлекается междуусобными счетами, кто жертвуетъ фракціонному самолюбію интересами общаго дѣла, парализуя силу и единство общаго натиска — они вдвойнѣ повинны въ каждой лишней каплѣ пролитой крови,* какъ бы ни отходили они въ сторону, умывая руки на подобіе Понтійскаго Пилата... Пусть прозвучатъ въ ихъ ушахъ убійственнымъ укоромъ тѣ же евангельскія слова: *кровь его на васъ — и духовныхъ дѣтяхъ вашихъ.*"

Соціалисты-революціонеры, какъ извѣстно, „ужасно" не любятъ „междуфракціонныхъ" распрей; они „съ болью въ сердцѣ" „вынуждены" отвѣчать своимъ заблудшимъ „братьямъ"... Ихъ умъ цѣпенѣетъ при мысли, что нашлись въ революціоной средѣ люди, усумнившіеся въ истинности заявленій никому невѣдомой „боевой организаціи", люди, предположившіе, что революціонеръ можетъ солгать. И, утирая слезы угнетенной невинности, они, никого не называя, инсинуируютъ на счетъ тѣхъ, кто подъ вліяніемъ самыхъ низкихъ мотивовъ („фракціонное самолюбіе") „разстраиваетъ ряды борцовъ". Съ душевнымъ прискорбіемъ они констатируютъ, что русская соціальдемократія обрызгана кровью Балмашева.

Разумѣется, что послѣ этой грязной выходки „Рев. Россія" должна была омыться въ пучинѣ революціонной декламаціи и возвышенной морали. „Только революціонный соціализмъ", говоритъ она, не смущаясь, „эта вѣчная правда нашего времени, въ которой нераздѣльно и неразрывно слились правда-истина и правда-справедливость, можетъ наполнять душу человѣка такимъ беззавѣтнымъ энтузіазмомъ, такимъ очистительнымъ пламенемъ. Но онъ *долженъ* наполнять имъ своихъ приверженцевъ, ибо иначе онъ выродится, онъ загрязнится, его кристальная чистота замутится наслоеніями, не имѣющими ничего общаго съ истиной. Мы вѣримъ, конечно, что соціализмъ можетъ пробивать себѣ дорогу даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. И тамъ, гдѣ незрѣлое состояніе общаго движенія, *культъ вождей, игра ихъ самолюбія, слѣпой отталкивающій фанатизмъ неофитовъ и братоубійственная ненависть сектантовъ* покрываютъ корой мелкихъ раздоровъ великое и могучее движеніе, — рано или поздно эта кора отпадетъ, отомретъ, и слѣпы будутъ тѣ, которые за этой грубой и грязной корой не увидятъ здороваго, могучаго ствола". Словомъ, возблагодаримъ Господа за то, что онъ не сотворилъ насъ такими, какъ эти многогрѣшные „сектанты".

Незаконно присвоивъ себѣ подвигъ Балмашева, революціонные беллетристы думаютъ, что заставятъ забыть о неудачѣ своей попытки присвоенія тѣмъ, что фамильярно называютъ его „нашимъ Степаномъ" или просто „Степаномъ". И, не смущаясь впечатлѣніемъ, которое должно вызвать такое запанибратство, они вновь закатываютъ глаза и (въ № 23) заявляютъ: „Все тѣснѣе и тѣснѣе связывали мы свою судьбу съ памятью о немъ — и теперь всякое прикосновеніе къ этой священной(!) памяти *нечистыхъ рукъ* болѣзненно отражается въ нашемъ сердцѣ". Мы, конечно, менѣе сантиментальны, но, признаемся, и насъ коробитъ „прикосновеніе нечистыхъ рукъ"...

№№ 22 и 23 „Рев. Россіи" полны всякаго рода инсинуацій противъ соціальдемократіи, противъ ея органовъ и комитетовъ*). Именно въ виду этого „Рев. Россія" „пользуется случаемъ сообщить своимъ читателямъ" о новомъ протестѣ противъ „Искры" ею полученномъ отъ ссыльныхъ, среди которыхъ были „и соціальдемократы" (тѣ, очевидно, которые забыли золотое правило Бѣлинскаго: „я жидъ и съ филистимлянами за одинъ столъ не сажусь"). „Объединенные" протестанты толкуютъ о „практикуемой теперь „Искрой" братоубійственной полемикѣ, возбуждающей въ читателяхъ крайне тяжелое чувство горечи, глубокаго негодованія и брезгливости".

Называть ложь и мистификацію своими именами, разоблачать шумиху фразъ и развѣнчивать опереточную революцію — это „братоубійственная полемика"! Инсинуировать о томъ, что кровь Балмашева падаетъ на голову русской соціальдемократіи, это — служить „правдѣ-истинѣ и правдѣ-справедливости". Нѣтъ ли здѣсь какой-то несообразности, господа?

*) И даже противъ учащихся средне-учебныхъ заведеній, тяготѣющихъ къ соціальдемократіи. Отъ послѣднихъ требуется „сознательно-продуманное отношеніе къ нашей соціально-политической программѣ", каковой программы еще ни одинъ смертный не видѣлъ. Нашему Тартюфу „вдвойнѣ больно" видѣть, что „начинающая жить революціонной жизнью молодежь" подпадаетъ вліянію „антиреволюціонной проповѣди", направленной противъ затушевыванія классовыхъ противорѣчій и серьезныхъ партійныхъ разногласій. И все это, собственно, потому, что революціонные гимназисты критически отнеслись къ „программѣ" тѣхъ гимназистовъ отъ революціи, которые зовутъ къ „объединенію" всѣхъ и каждаго подъ знаменемъ „партіи соціалистовъ-революціонеровъ"

ИЗЪ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

МАЙСКІЕ ДНИ ВЪ РОССІИ.

Первое мая въ Сибири. Томскъ. Недавно мы снова пережили великія минуты, снова учащенно билось сердце и замирало при видѣ совершавшихся событій.. Первое мая (18 апрѣля) Томскъ достойно отпраздновалъ.

Томское рабочее движеніе еще молодое, хотя начало его и относится къ 1898 году. До послѣдняго года оно захватывало 3-4 типографіи, слегка одинъ заводъ и 3-4 мастерскія. Въ общемъ организованныхъ рабочихъ было немного. За послѣдній же годъ повелась массовая агитація захватившая рѣшительно всѣ городскіе и ближайшіе къ городу заводы, болѣе крупныя мастерскія, различныя промышленныя заведенія, строительныхъ рабочихъ и чернорабочихъ, нѣкоторыя парикмахерскія, булочныя и проч. Мѣстныя Комитетъ Р. С.-Д. Рабочей Партіи старался использовать въ цѣляхъ агитаціи различныя болѣе значительныя событія русской жизни и всѣ, имѣющія какое-либо агитаціонное значеніе изъ мѣстной жизни. Въ началѣ 1902 г. онъ выпускалъ прокламаціи еще въ ограниченномъ количествѣ на гектографѣ, къ концу перешли къ мимеографу, а съ начала нынѣшняго года къ станку. Выпускались прокламаціи къ рабочимъ вообще и къ рабочимъ той или иной отрасли труда въ частности, къ гражданамъ и бюллетени о событіяхъ русской жизни (по „Искрѣ"). Кромѣ того Комитетомъ организовано было нѣсколько постоянныхъ кружковъ, въ которыхъ велись занятія съ рабочими, устраивались сходки и вечеринки, гдѣ читались рефераты и произносились политическаго характера рѣчи. Помимо своихъ прокламацій Комитетъ распространялъ значительное число прокламацій Сибирскаго Союза-Комитета Р. С.-Д. Р. П., особенно интенсивно работающаго за послѣднее время. Широкая революціонная дѣятельность не прошла безслѣдно, и въ настоящее время среди мѣстныхъ рабочихъ замѣтно крѣпнетъ сознательное революціонное настроеніе. Большую воспитательную роль сыграли и двѣ демонстраціи, бывшія 18 и 20 февраля, тѣмъ болѣе, что послѣдняя къ концу превратилась скорѣе въ рабочую демонстрацію, когда большая толпа (до 1.000 чел.), состоявшая главнымъ образомъ изъ рабочихъ, продолжала революціонные возгласы, пѣніе, рѣчи, чтеніе прокламацій, когда отбитъ былъ арестованный рабочій, когда администрація и полиція ушли по требованію демонстрантовъ, сопровождаемыя насмѣшками и свистомъ. Съ тѣхъ поръ рабочіе стали ждать того дня, когда они сами устроятъ демонстрацію, и такимъ днемъ, естественно для всѣхъ, было первое мая (18 апрѣля). За послѣдніе три дня до 18 апрѣля въ городѣ было распространено до десяти тысячъ прокламацій. Вездѣ только и слышны быми разговоры о предстоящемъ рабочемъ праздникѣ. Находились, конечно, и скептики, не вѣрившіе въ возможность со стороны рабочихъ что-либо устроить. Мѣстнымъ Комитетомъ было выпущено три прокламаціи своихъ: подготовительная майская (нѣсколько измѣненная статья изъ № 5 „Южнаго Рабочаго"), къ желѣзнодорожнымъ и строительнымъ рабочимъ. Кромѣ того были распространены прокламаціи Сибирскаго Союза-Комитета: „Зачѣмъ намъ нужна политическая свобода?", подготовителъная майская (обѣ съ рисункомъ „пирамидъ"), о демонстраціяхъ, къ солдатамъ и казакамъ, первомайская (больше 3.000 шт.) и карточки съ требованіями. Всѣ прокламаціи были отпечатаны на бумагѣ пяти цвѣтовъ (преобладалъ красный).

Рѣшено было отпраздновать первое мая (18 апрѣля) демонстраціей и забастовкой. Успѣшно провести планъ празднества Комитету помѣшали такія условія, которыя едва ли гдѣ еще имѣли мѣсто, — это глубокій снѣгъ, покрывающій окрестности города, и грязь по колѣно на улицахъ. Комитету не было никакой возможности устроить большую сходку, пришлось ограничиться небольшими сходками на квартирахъ рабочихъ. Устраивая демонстрацію, Комитетъ надѣялся только на самихъ рабочихъ, на студенчество же, поддержанное 20 февраля рабочими, особенно нельзя было разсчитывать, такъ какъ значительная и вмѣстѣ лучшая часть его разъѣхалась уже изъ Томска.

18-го апрѣля забастовали 4 завода, 4 или 5 мастерскихъ съ количествомъ рабочихъ отъ 25 до 35 чел. каждая, нѣсколько мелкихъ ремесленныхъ заведеній и рабочіе на одной каменной постройкѣ. На нѣсколькихъ заводахъ, мастерскихъ, во всѣхъ типографіяхъ и на многихъ постройкахъ имѣла мѣсто лишь частичная забастовка. Во многихъ домахъ прислуга ушла съ полдня и возвратилать ночью, заявляя хозяевамъ, что „сегодня нашъ праздникъ". Съ 12 час. дня улицы приняли необычный видъ: на нихъ появились въ значительномъ количествѣ рабочіе, изъ нихъ многіе были одѣты по праздничному, масса любопытныхъ обывателей; шныряли шпіоны, городовые, жандармы. Къ двумъ часамъ тротуары съ обѣихъ сторонъ Почтамтской ул. на протяженіи нѣсколькихъ кварталовъ были покрыты густой толпой гуляющихъ. Тутъ же была вся полиція. Среди толпы можно было видѣть возбужденныя лица рабочихъ. Демонстрація, однако, не начиналась. Говорили, что Комитетъ ждетъ больше публики. Около 3-хъ часовъ вдругъ въ одномъ мѣстѣ выдѣлилась группа человѣкъ въ 30, запѣла революціонную пѣсню, выкинула красное знамя съ надписью „Долой самодержавіе!" и двинулась по улицѣ. Публика оставалась на тротуарахъ, не рѣшаясь пристать, другіе рабочіе разсыпались отдѣльными группами и не успѣли примкнуть. Полиція, какъ стая гончихъ, бросилась на демонстрантовъ, завязалась схватка и трое были арестованы. Знамя было спасено. Толпа росла, и къ четыремъ часамъ передвинулась къ центру города. Уговоры полицейскихъ и угрозы ни къ чему не вели. Новыя попытки арестовъ не удавались, толпа отбивала. Изъ толпы все чаще и чаще стали раздаваться возгласы, покрываемые громкимъ „ура". Но открытая массовая демонстрація началась лишь въ 8-мъ часу, когда рабочіе съ горы отъ почтамта, усиленные нѣсколькими сотнями типографскихъ и строительныхъ рабочихъ, вдругъ побѣжали внизъ. Полиція вообразила, что рабочіе бросились на нее, и мгновенно исчезла съ улицы, тѣмъ болѣе, что только передъ этимъ рабочіе избили пом. пристава 5-ой части, околодочнаго и городового за вторичную попытку арестовать выслѣженнаго интеллигента. Спустившись съ горы, демонстранты выстроились, выкинули знамя и съ пѣснями двинулись къ 5-ой части, гдѣ сидѣли четверо арестованныхъ днемъ. Окруживъ часть, демонстранты потребовали освобожденія арестованныхъ. Перепуганные полицейскіе солгали и сказали, что арестованные увезены въ 3-ью часть, къ ней и направились демонстранты. Было уже около 9 часовъ вечера, стало темнѣть. Теперь демонстрантовъ было около 5.000 чел., въ томъ числѣ студентовъ сравнительно немного. Громкія пѣсни и громовое „ура" доносились, какъ говорятъ, до окраинъ города. Строительные рабочіе и чернорабочіе принимали дѣятельное участіе, при этомъ пѣли „Дубинушку" на свой ладъ, между прочимъ, одинъ куплетъ своего собственнаго сочиненія, что они за студентовъ пристанутъ и Кухтерину (мѣстный Крезъ, высылавшій своихъ мясниковъ бить студентовъ 18-го февраля) плохо станетъ. По дорогѣ къ третьей части находится большой мостъ. На немъ была сдѣлана остановка, которой воспользовались, чтобы произнести рѣчи. Ораторовъ слушали въ глубокомъ молчаніи. Только послѣ второй рѣчи нѣсколько чернорабочихъ просили указать, что имъ дѣлать, чтобю не было теперешнихъ худыхъ порядковъ... Полиція стояла и тоже молчала. Было совсѣмъ темно. Вдругъ надъ головами блеснулъ яркій, все сразу освѣтившій электрическій свѣтъ фонарей. Передъ демонстрантами оказались солдаты. Солдаты бросились на толпу съ прикладами, полиція съ обнаженными шашками, объѣздные съ нагайками (объѣздные замѣняютъ у насъ казаковъ), но рабочіе, кинувшіеся было бѣжать, остановились и осыпали нападающихъ градомъ камней. Солдаты и полиція отступили. Демонстрація кончилась, хотя громадныя толпы народа не расходились до двухъ часовъ ночи, пришлось разгонять солдатами, которыхъ вызвано было двѣ роты. За ночь полиція еще захватила нѣсколько человѣкъ, такъ что всѣхъ арестовано 36 человѣкъ. Изъ демонстрантовъ пострадали двое: одному рабочему городовой отсѣкъ шашкой два пальца, сильно побили одну женщину и изрѣзали шашками на ней одежду. Изъ полиціи пострадали: пом. пристава 5-ой части избитъ и вываленъ въ грязевой канавѣ, сильно избиты два околодочныхъ; помощнику пристава второй части проломили камнемъ голову, отъ камней пострадали пять городовыхъ, одинъ объѣздной; зашиблено нѣсколько солдатъ.

Весь городъ взбудораженъ, повсюду безконечные толки о всемірномъ рабочемъ праздникѣ. Рабочіе довольны, что праздникъ прошелъ „какъ должно", досадуютъ, что не удалось отбить всѣхъ арестованныхъ товарищей. Демонстрація несомнѣнно оказала громадную услугу въ дѣлѣ политическаго воспитанія мѣстныхъ рабочихъ массъ.

Тифлисъ, 27-го апрѣля. Пишу вамъ, только что возвратившись съ демонстраціи. По рѣшенію Кавказскаго Соціальдемократическаго Рабочаго Союза майская демонстрація въ одинъ и тотъ же день должна была произойти въ трехъ центрахъ Кавказа (Тифлисъ, Баку, Батумъ). Тифлисскій Комитетъ назначилъ на сегодняшній день; до сихъ поръ велась энергичная пропаганда и господствовало среди рабочихъ небывалое воодушевленіе. Демонстрировать должны были по назначенію на Головинскомъ проспектѣ, но, оказывается, полиція разнюхала планъ демонстраціи, и поэтому въ назначенный день Головинскій проспектъ былъ запруженъ войсками, казаками и дворниками (скажу въ скобкахъ, что большое число дворниковъ турецкіе армяне, которые играютъ самую гнусную роль); ими же занятъ былъ весь Солдатскій базаръ. Видя такое положеніе вещей, къ утру же перемѣнили планъ дѣйствій: сперва назначили мѣстомъ демонстраціи

Эриванскую площадь, чтобы, двинувшись отсюда, пройти мимо дворца, но и этотъ планъ оказался несостоятельнымъ; тогда моментально былъ данъ сигналъ рабочимъ собраться передъ артистическимъ театромъ, гдѣ полиція до послѣдняго городового отсутствовала. Къ 11³/₄ час. утра одинъ изъ рабочихъ развернулъ шелковое знамя съ вышитыми надписями: „Долой самодержавіе!“, „Да здравствуетъ свобода!“; „Да здравствуетъ восьмичасовой рабочій день!“. Возлѣ знамени начали быстро собираться демонстранты, вначалѣ число послѣднихъ было 400, а затѣмъ съ каждой минутой все болѣе и болѣе это число расло. Демонстранты начали рядами двигаться по противоположному направленію проспекта, къ казенному театру; толпа все увеличивалась. Рабочіе двигались впередъ съ возгласами „ура!“, „долой самодержавіе!“ и такимъ образомъ, достигнувъ до кадетскаго корпуса и завернувъ на Саперную ул., начали расходиться. Полиція очень поздно узнала, что она была обманута, и всю свою злобу выместила на двухъ-трехъ десяткахъ отставшихъ позади рабочихъ; началось жестокое побоище, дворники работали дубинами. Ужасная была картина!

Итакъ, Тифлисская демонстрація удалась. Арестовано много рабочихъ. Обыски и аресты продолжаются.

Баку. Майская агитація велась здѣсь усиленная. Было два большихъ загородныхъ рабоч. собранія. Распространены майскіе листки на русскомъ, армянск. и груз. языкахъ: отъ Ком. Кавк. Союза и мѣстн. Ком. Настроеніе со времени демонстр. 2 марта повышенное. Были двѣ забастовки: трамвайныхъ служащихъ и на табачн. фабрикѣ Мирзабекъянца (800 р.), обѣ успѣшныя; всѣ требованія были удовлетворены на 2-ой день забастовки. Демонстрація назначена была Кавк. Союзомъ на 27-ое одновременно съ Тифл. и Батумск. На Парапетѣ группа рабочихъ челов. въ 300 въ 11½ час. выбрасываетъ красное знамя (бывшее уже теперь 3-й разъ въ бою) при крикахъ „ура“, „долой самодержавіе!“; на этотъ призывъ со всѣхъ прилегающихъ вѣеромъ къ площади ул. посыпались рабочіе и съ громкими криками, размахивая высоко надъ головой палками, ринулись къ знамени; тысячная толпа демонстрантовъ направилась по Велико-княжеской ул., чтобы съ нея повернуть на Николаевскую ул.; въ началѣ Никол. демонстранты встрѣчаютъ еще одну группу, которая выбросила знамя революціи. На Петровской площ. при общихъ крикахъ „ура“ и „долой самодержавіе“, полные ликованія и энтузіазма, демонстранты съ шестью красными знаменами*) направляются по Николаевск. ул. Толпой руководилъ рабочій (онъ не арестованъ). Нигдѣ по дорогѣ не видно ни казаковъ, ни городовыхъ: послѣдніе разбѣжались при приближеніи демонстрантовъ.

Толпа все растетъ да растетъ. Полагаю, что въ процессіи по Николаевской ул. принимало участіе до 10 тыс. чел., рабочихъ было отъ 3-5 тысячъ. Составъ толпы демократическій, чѣмъ она рѣзко отличается отъ толпы, наполнявшей улицы 2-го марта. Циркулирующіе по городу слухи, что будутъ стрѣлять, удержали любопытныхъ въ комнатѣ. Демонстранты уже дошли до губер. сада и думали уже разсѣяться, но въ это время взводъ городовыхъ преграждаетъ имъ дорогу вытянутыми впередъ обнаженными шашками, и сейчасъ-же раздается одинъ залпъ за другимъ; толпа разсыпается по сосѣднимъ улицамъ. Оказывается, стрѣляли холостыми. Городовые и казаки начинаютъ свою расправу надъ неуспѣвшими скрыться. Нѣсколько десятковъ арестованныхъ и 12 чел. раненныхъ шашками. Нагайки казаковъ и кулаки и шашки городовыхъ избиваютъ усмиреннаго непріятеля. Но, повидимому, демонстранты счастливо избѣгнули страшнаго кровопролитія. Отъ главнокоманд. на Кавказѣ полученъ былъ приказъ стрѣлять и дать такую острастку, чтобы „впредъ не повадно было“. Полиція, зная заранѣе планъ демонстраціи, устроила засаду: казаки и полицейскіе должны были пропустить демонстрантовъ и выскочить только тогда, когда хвостъ демонстр. будетъ у Краснаго Креста; главное войско было подъ предводительствомъ губернатора ниже губерн. сада у д. Арамянца; демонстранты оказались-бы тогда запертыми — спереди пѣхотой, сзади казаками и полиціей. Пѣхота должна была открыть огонь, заставить всю массу (кромѣ убитыхъ!) повернуть назадъ и здѣсь храбрые казаки ударили-бы въ нагайки. Можете себѣ представить, какъ хитрый полководецъ потиралъ руки отъ геніальности своего плана; но полицейскій взводъ поусердствовалъ немного и далъ залпъ, когда передніе ряды дошли до Кр. Крест. и тѣмъ разстроилъ весь планъ кампаніи, а губернатора лишилъ, вѣроятно, ордена и „сердечн. спасиба“. Въ 5 ч. дня демонстрація повторилась въ другомъ концѣ города: на Телеф., Станислав., Балах. и Каспійск. ул. съ знаменами и пѣснями, тамъ былъ убитъ городовой, раненъ серьезно приставъ (вчера говорили, что онъ умеръ), избиты городовые и шпики. Прибывшіе казаки избили демонстрантовъ и публику, но въ общемъ побѣда здѣсь осталась на сторонѣ рабочихъ.

Въ Балаханахъ (промысловый районъ въ 12 в. отъ Баку) въ 7 ч. веч. возлѣ темфиск. стана было выкинуто знамя, возлѣ котораго собралась около 3-хъ тысячъ человѣкъ; демонстр. съ пѣснями направились къ вокзалу, прошли одну улицу и хотѣли было уже разсѣяться, какъ изъ засады выскочили казаки; они были встрѣчены градомъ камней; полицеймейстеръ, получивъ ударъ камнемъ, ускакалъ, а казаки, не предупредивши толпу, открыли огонь: демонстранты разсыпались по сосѣднимъ дворамъ и промысламъ, оставивъ на мѣстѣ 5 чел. ранен. и одного убитаго. Въ городѣ во время демонстраціи на Николаев. ул. былъ схваченъ полицейскимъ одинъ знаменоносецъ; по словамъ пристава, никакими усиліями нельзя было его заставить выпустить знамя, и только когда они шашкой нанесли ему нѣсколько ранъ на рукѣ, они могли воспользоваться добычей. 18 апрѣля наборщики праздновали первое мая, такъ что ни одна газета не вышла 19-го.

Кутаисъ. (Изъ частнаго письма). Ты не можешь себѣ представить, что происходитъ теперь на Кавказѣ. Скажу о томъ, что я вижу и слышу въ Кутаисѣ... Всѣ готовятся къ 1-му мая, говорятъ, что будетъ „бунтъ“. Особенно объ этомъ говорятъ чиновники и больше всѣхъ ихъ жены; они думаютъ, что хотятъ избить чиновниковъ и богачей. Такое заключеніе они выводятъ изъ разбрасываемыхъ по городу въ присутственныхъ мѣстахъ и разсылаемыхъ разнымъ лицамъ прокламацій. Трусливая фантазія чиновниковъ и купцовъ рисуетъ многое, чего никогда навѣрное не снилось нигдѣ манифестантамъ. Говорятъ, что 1-го мая должны быть большія манифестаціи во всѣхъ крупныхъ центрахъ Кавказа. 18-го апрѣля была манифестація и столкновеніе съ полиціей въ сел. Кулаши (Кут. губ.). Въ Гуріи (Кут. губ.) крестьяне пока не тронули ни одного клочка дворянской земли; обрабатываютъ только свою. Что-то похоже на крестьянскую стачку въ духѣ Толстого. Губернаторъ ѣздилъ уговаривать крестьянъ, но ничего не вышло. Мальчишки уже на улицѣ играютъ въ „бунтъ“. Вообще мы быстро двигаемся впередъ.

Ростовъ н/Д. Не везетъ нашей полиціи! Только что улеглось волненіе послѣ неожиданной удачной демонстраціи 2-го марта, какъ снова полиція очутилась въ дуракахъ. Въ ночь подъ 26-го на Темерникѣ, въ самомъ городѣ, на верхней улицѣ, состоялась сходка съ цѣлью обсужденія демонстраціи 1 мая. Присутствовали около 200-250 человѣкъ. Ярко освѣщала луна ряды рабочихъ, расположившихся полукругомъ: на свѣтломъ фонѣ выпукло выдѣлялась фигура оратора, могучій голосъ котораго разносился во всѣ стороны. Онъ говорилъ о праздникѣ 1 мая, о его значеніи, развивалъ планъ демонстраціи, онъ призывалъ рабочихъ владикавказской дороги быть въ первыхъ рядахъ демонстрантовъ. Послѣ короткой рѣчи, подняли флагъ и съ пѣніемъ Марсельезы прошли по всей верхней улицѣ.

Снова ораторъ остановилъ демонстрантовъ, снова призвалъ ихъ къ борьбѣ съ правительствомъ. И еще два раза пошли демонстранты, распѣвая „Варшавянку“.

Въ заключеніе, ораторъ упомянулъ о томъ, что полиція хочетъ опозорить праздникъ перваго мая еврейскими погромами и призывалъ рабочихъ защищать евреевъ. „Смерть ворамъ и убійцамъ“ — такими словами рабочіе выразили свое отношеніе къ погромщикамъ.

Такъ разошлись.

Въ это время въ городѣ была тревога. Изъ театра вызвали всѣхъ властей, пролетѣли казаки, (кажется) двинули пѣхоту, но на Темерникѣ все уже было тихо.

Въ городѣ масса толковъ и слуховъ; обывательская фантазія разыгралась.

Характеренъ для пониманія движенія правительствомъ тотъ фактъ, что при первой тревогѣ раньше всего занялись охраной отдѣленія государственнаго банка.

Предмайская агитація идетъ усиленно! За апрѣль мѣсяцъ выпущены слѣдующія прокламаціи: 1) отвѣтъ на брошюру генерала Богдановича, 2) о соціализмѣ, 3) о политической свободѣ, 4) что такое демонстрація?, 5) хроника борьбы съ самодержавіемъ, 6) къ военнымъ, 7) по поводу кишиневскаго погрома, 8) къ береговымъ рабочимъ, 9, 10) майскіе листки Организаціоннаго Комитета и 11) (можетъ быть) въ день перваго мая будетъ разбрасываться листокъ, выясняющій значеніе праздника.

Каждый листокъ выходитъ въ количествѣ 5000-6000, кромѣ къ военнымъ (600) и къ береговымъ рабочимъ (еще не вышелъ). Листки Организаціоннаго Комитета напечатаны въ количествѣ 9000 и 10.500. Частью разосланы въ другіе города (Таганрогъ и др.) Сильныхъ проваловъ нѣтъ, аресты среди рабочихъ исключительно благодаря провокаторамъ (предполагаютъ троихъ).

Изъ интеллигентовъ за апрѣль арестованы Итинъ и Щербининъ. Обвиненіе предявляютъ на основаніи положенія объ усиленной охранѣ.

*) Остальныя четыре были подняты при соединеніи двухъ группъ демонстрантовъ.

Николаевъ. Незадолго до 1-го мая здѣсь были распространены предмайскія и майскія прокламаціи „Организаціоннаго Комитета“. На всѣхъ крупныхъ заводахъ рѣшено было праздновать 1-ое мая однодневной забастовкой. Но еще до 1-го мая здѣсь были распространены прокламаціи „Кишиневской Соц.-Дем. Орган.“ о кишиневскомъ погромѣ. Прокламація эта произвела на рабочихъ огромное впечатлѣніе. А тутъ еще въ Николаевѣ начали распространяться слухи о готовящемся и здѣсь погромѣ. Полиція усердно поддерживала эти слухи, указывая на рабочихъ, какъ на громилъ. Полиціи очень хотѣлось какихъ-нибудь коллективныхъ дѣйствій рабочихъ. Ей очень хотѣлось крови. Здѣсь еще свѣжо воспоминаніе погрома 1899 года, устроеннаго полиціей. А что онъ былъ устроенъ тогда полиціей, служитъ доказательствомъ то, что еще задолго до него мѣстный жандармскій подполковникъ, Дремлюга обѣщалъ, что евреи будутъ разгромлены.

Въ виду этого рабочіе рѣшили въ день перваго мая разсыпаться по городу и, если погромъ начнется, то изъ еврейскаго немедленно превратить его въ погромъ полиціи. Можетъ быть, кое-кому интересно будетъ знать, что рабочіе здѣсь почти сплошь христіане.

Полиція начала готовиться къ 1 мая. Днемъ и ночью дежурили батальоны въ полной походной формѣ, готовые выступить противъ „внутренняго врага“. Уже заранѣе было указано каждому офицеру, какое мѣсто въ городѣ онъ долженъ занять. У самаго большаго завода „Французскаго“ была устроена полиціей засада. Распространивши по городу слухи о томъ, что рабочіе, празднуя 1 мая, хотятъ въ этотъ день разгромить евреевъ, полиція этимъ старалась въ глазахъ населенія смѣшать рабочихъ съ громилами и заслужить одобреніе населенія, если она, полиція, пуститъ въ ходъ противъ рабочихъ военную силу въ случаѣ демонстративнаго празднованія 1 мая.

И въ публикѣ упорно циркулировали слухи, что начальство противъ рабочихъ принимаетъ мѣры, что празднующихъ рабочихъ будутъ увольнять съ заводовъ, что градоначальникъ по самому малѣйшему поводу пуститъ въ ходъ солдатъ.

Наступило 1 мая. Одинъ изъ самыхъ большихъ заводовъ на югѣ Россіи, „Французскій“, не работалъ. Также совершенно не работалъ Черноморскій заводъ. Въ мастерскія Адмиралтейства не явилась половина рабочихъ. Перечисленные три завода единственно большіе здѣсь. Имѣются еще нѣсколько мелкихъ заводовъ, но и тамъ были празднующіе. Городъ имѣлъ очень праздничный видъ. Рабочіе съ самаго утра разгуливали по городу, по бульвару. Днемъ рабочіе собирались за городомъ. Въ одномъ мѣстѣ однимъ рабочимъ была произнесена рѣчь. Это первый случай празднованія майскаго праздника *большинствомъ* николаевскихъ рабочихъ.

Вильно. Здѣсь въ большомъ количествѣ были распространены майскіе листки Бунда и Польской Соц. Партіи. Листки Орган. Ком. не успѣли распространить въ большомъ количествѣ. Демонстраціи не было. Охрана была невѣроятная. Были случаи, что люди не могли попасть въ собственныя квартиры: „не велѣно ни впускать, ни выпускать“, говорили дворники. Послѣднихъ снабдили дубинами. На Завальной ул. 19 апрѣля въ 10 ч. утра пыталась было собраться группа чел. въ 30, но тотчасъ же прискакали казаки и разогнали.

Смоленскъ. 26 апр. рабочіе (больше 300 ч.) собрались верстъ за 7 отъ города, въ лѣсу, праздновать 1 мая. Было оживленно, весело; мѣстными интеллигентами (членами комитета) было произнесено нѣсколько рѣчей на различныя темы (о первомайскомъ праздникѣ, о соціализмѣ, о политической свободѣ и т. п.).

Около часа, когда уже нѣкоторые стали расходиться, собравшихся извѣстили, что нѣсколько человѣкъ арестовали на дорогѣ. Публика была встревожена и стала расходиться по разнымъ направленіямъ. Одна часть (86 ч.), которая проходила мимо кладбища, была окружена солдатами и арестована. Большую часть арестованныхъ составляютъ еврейскіе рабочіе, схваченъ одинъ гимназистъ. Никто, кромѣ гимназиста, еще не выпущенъ; у арестованныхъ были произведены обыски, и вчера былъ допросъ. Пока еще ничего не извѣстно. Смоленскъ встревоженъ этимъ неслыханнымъ здѣсь погромомъ. Полиція вся на ногахъ; нѣкоторыхъ интеллигентовъ губернаторъ высылаетъ изъ Смоленска въ глухіе уѣздные города; выданы уже проходныя свидѣтельства съ требованіемъ о немедленномъ выѣздѣ.

Либава. 17 апрѣля здѣсь распространенъ въ 800 экземпляровъ майскій листокъ на латышскомъ языкѣ; кромѣ него въ 150 экз. листокъ на жаргонѣ — изданіе Бунда и листокъ Организаціоннаго Ком. — Въ ночь 30 на 31 марта здѣсь арестовано 20 человѣкъ, изъ нихъ большинство выпущено уже; осталось въ тюрьмѣ всего семь лицъ: портнихи Левинсонъ и Шлезъ и пять рабочихъ. Сидѣвшій въ мѣстной тюрьмѣ съ сентября 1902 г. портной Медницъ, арестованный на вокзалѣ съ 20 еврейскими прокламаціями, переведенъ въ Газенпотскую тюрьму — сырую, темную, вонючую яму.

АНТИСЕМИТСКАЯ ПЕЧАТЬ, ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОГРОМЫ.

Кишиневскіе ужасы на первое время смутили было антисемитовъ. Они попробовали сдѣлать видъ, что и имъ не чужды человѣческія чувства, что и они далеки отъ одобренія подвиговъ наемныхъ убійцъ, обагрившихъ улицы Кишинева кровью евреевъ, преданныхъ властями. „Новое Время“ — въ виду нападокъ нѣкоторыхъ газетъ на Крушевана — заговорило даже о необходимости особой осторожности въ такой моментъ, когда страсти возбуждены, о необходимости для печати содѣйствовать „умиротворенію“. Старая лиса почуяла, что въ русскомъ и европейскомъ обществѣ сочувствіе жертвамъ и негодованіе противъ убійцъ достигло высокой степени, и постаралась сбросить съ себя отвѣтственность за случившееся.

Но въ Россіи общественное мнѣніе ничего не значитъ передъ „усмотрѣніемъ“ правительства. А правительство Плеве слишкомъ незнакомо съ тѣмъ, что называютъ стыдомъ и совѣстью, чтобы не попытаться помощью утроенной наглости скрыть фактъ своего позора. Передъ лицомъ возмущенной Западной Европы Плеве выступилъ съ своимъ „разъясненіемъ“, которое по своей лживости, по своему провокаторскому характеру, можетъ фигурировать въ первомъ ряду этого рода произведеній „литературы“.

Евреи первые начали драку 6 апрѣля, евреи первые ранили русскаго 7 апрѣля — такова въ изложеніи г. Плеве, согласно даннымъ „разслѣдованія“ оберъ-шпіона Лопухина, исторія погрома. И, вмѣстѣ съ приказаніемъ, обращеннымъ къ властямъ — не допускать новыхъ безпорядковъ, г. Плеве запрещаетъ евреямъ вооружаться для защиты.

Чтобы не было никакого сомнѣнія въ томъ, что правительство *хочетъ* новыхъ погромовъ, г. Плеве даетъ предостереженіе „Праву“ и „Восходу“ за ихъ статьи о кишиневскихъ злодѣяніяхъ и пріостанавливаетъ розничную продажу „Новостей“ и „Волыни“.

Антисемитская пресса поспѣшила пойти на встрѣчу столь ясно опредѣлившимся желаніямъ начальства. Въ номерѣ отъ 9 мая „Новое Время“ печатаетъ провокаторскую корреспонденцію, въ которой вся вина за погромъ сваливается на евреевъ: они грабятъ молдаванъ, они довели ихъ до отчаянія, они нападали, они стрѣляли. Правда, они же и пострадали, но.... всѣ свѣдѣнія объ истязаніяхъ, произведенныхъ погромщиками, оказываются ложными. Правда, убито два грудныхъ младенца, но... но они убиты нечаянно *собственными матерями*, когда тѣ спасались отъ толпы. Мы не шутимъ: такъ напечатано въ „Новомъ Времени“. Остается узнать, не сами ли евреи вбивали гвозди въ черепа евреевъ, не они ли выкалывали глаза — все случаи, оффиціально засвидѣтельствованные врачами?

„Новое Время“ сознательно готовитъ новые погромы, распространяя новую ложь. Шайкѣ Суворинныхъ и Крушевана мало кишиневскихъ жертвъ: имъ нужны новыя. А русское общество — къ стыду своему — не съумѣло до сихъ поръ уничтожить эту гнойную язву нашей жизни — продажную антисемитскую прессу. Русское общество вяло кое-гдѣ выражаетъ свое отвращеніе къ подвигамъ антисемитовъ, устраивающихъ погромы; на рѣшительный протестъ его не хватаетъ. Резолюція литераторовъ въ Петербургѣ крайне блѣдна и тщательно прячетъ жало, направленное противъ правительства. И люди, которые въ любомъ европейскомъ городѣ, не смѣли бы выйти на улицу, люди, съ ногъ до головы обрызганные кровью, могутъ выступать съ гордо поднятой головой.

Харьковскіе студенты и рабочіе въ свое время наказали реакціонера Іозефовича, петербургское студенчество, а съ нимъ и вся передовая интеллигенція, въ 1899 году пригвоздила къ позорному столбу того же Суворина, когда онъ выступилъ въ роли защитника полицейской нагайки. Почему же теперь ничего не слышно ни о чемъ подобномъ? Почему Суворинъ и Крушеванъ еще не наказаны?

Кстати: правда-ли, что въ самое послѣднее время *Крушеванъ получилъ 50.000 рублей казенной субсидіи?*

Правда ли это? Въ итальянской соціалистической газетѣ „Avanti“ и въ англійскомъ консервативномъ „Times“ напечатано — со словъ „одного русскаго корреспондента“ — приводимое нами ниже „совершенно секретное“ письмо Плеве къ бессарабскому губернатору, фонъ-Раабену.

Если сообщеніе это вѣрно, — *а мы не имѣли еще возможности провѣрить его достовѣрность,* — то оно появилось очень кстати, въ тотъ самый моментъ, когда русское правительство — этотъ зарвавшійся игрокъ — сдѣлало попытку спутать карты европейскаго общественнаго мнѣнія, уволивъ генерала фонъ-Раабена и, такимъ образомъ, сваливъ свою собственную отвѣтственность на мѣстную администрацію. Въ статьѣ, посвященной кишиневскому погрому, мы уже указывали истиннаго виновника дневного разбоя — русское центральное правительство. Приводимое нами письмо, помѣченное 25 марта, т. е. *составленное за двѣ недѣли до погрома,* является лучшимъ подтвержденіемъ высказаннаго нами обвиненія. Духъ Плеве или — по не лишенному остроумія выраженію кронштадскаго „чудотворца“ Іоанна (см. письмо, напечатанное въ „Новостяхъ“) — „духъ дьявола“ царитъ надъ толпою кишиневскихъ убійцъ, и рука его, обагренная кровью златоустовскихъ, тихорѣцкихъ и другихъ безчисленныхъ жертвъ, милосердно опускалась передъ тѣми, кто замучивалъ еврейскихъ дѣтей и насиловалъ еврейскихъ женщинъ. *Почему?* Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ небольшую частицу правды выбалтываетъ теперь „совершенно секретное“ письмо фонъ-Раабену. Мы даемъ переводъ этого письма съ англійскаго текста газеты „Times“:

Мин. Вн. Дѣлъ. № 341.
Канцелярія Министра. *Совершенно секретно.*
25 марта 1903 г.

Г. Бессарабскому губернатору.

До свѣдѣнія моего дошло, что во ввѣренной Вамъ губерніи готовятся обширные безпорядки, направленные противъ евреевъ, главнымъ образомъ, эксплуатирующихъ мѣстное населеніе. Въ виду всеобщаго безпокойнаго настроенія городского населенія, ищущаго исхода, а также и въ виду того обстоятельства, что, несомнѣнно, нежелательно слишкомъ строгими мѣрами вселить враждебныя правительству чувства въ незатронутой еще (революціонной) пропагандой населеніе, Ваше Превосходительство не преминете прибѣгнуть для немедленнаго прекращенія возможныхъ безпорядковъ къ мѣрамъ увѣщанія, отнюдь, однако, не обращаясь къ оружію.

В. Плеве.

Еще о кишиневскомъ погромѣ и о роли въ немъ правительства. За двѣ недѣли до событій содержатель трактира „Москва“ Алексѣй Григорьевъ получилъ анонимное письмо съ требованіемъ распространить прокламаціи, которыя ему будутъ скоро доставлены, иначе онъ будетъ убитъ; за недѣлю до Пасхи эти направленныя противъ евреевъ прокламаціи ему были доставлены, и онъ распространилъ ихъ среди посѣтителей трактира. Прокламаціи, надо полагать, напечатаны въ типографіи „Бессарабца“. Хотя губернатору и заявлялось объ этомъ, но трактиръ былъ закрытъ полиціей только на первые три дня Пасхи.

Изъ числа интеллигентовъ, руководившихъ громилами, упоминаютъ еще инженера Балинскаго, студента Малая, двухъ гимназистовъ Львовыхъ съ отцомъ — смотрителемъ военнаго госпиталя.

Начальникъ охраны жандармъ баронъ Левенталь заявилъ: „этимъ погромомъ русскій народъ(!) отвѣтилъ на еврейскій соціализмъ“. Говорятъ, что командиръ корпуса Мыловъ, посѣтивъ Кишиневъ, рѣзко порицалъ офицеровъ за ихъ поведеніе. Слѣдствіе ведется слѣдователями Фрейгангомъ и Давидовичемъ самымъ пристрастнымъ образомъ: они отказываются записывать въ протоколы показенія потерпѣвшихъ противъ должностныхъ лицъ; поэтому, избитые отказываются отъ дачи показаній.

Еще до погрома въ Кишиневѣ полиція въ г. Аккерманѣ собирала съ евреевъ деньги на охрану ихъ въ случаѣ погрома. Собрано до 2000 рублей.

Въ г. Бѣльцахъ на Пасху на заборахъ появилась прокламація, звавшая „бить жидовъ, пьющихъ кровь народа“.

Кіевъ, апрѣль. Кіевъ въ административномъ отношеніи находится сейчасъ въ полной анархіи, что въ виду хаотическихъ слуховъ, паники, путаницы понятій и отношеній еще болѣе затрудняетъ положеніе вещей. Драгомировъ, говорятъ, выѣзжаетъ изъ Петербурга 18-го или 20-го. Треповъ назначенъ сенаторомъ, и свои полномочія передалъ барону Штакельбергу (вицегубернаторъ круглый дуракъ, спеціалистъ по поркѣ крестьянъ), такъ что, вѣроятно, вершить все будетъ изъ подполья Новицкій, а на улицѣ полиціймейстеръ Цихоцкій (двоюродный братъ балерины Кшесинской). Евреи посылали депутацію 1) къ Новицкому съ просьбою предупредить погромъ; отвѣтилъ: „Вамъ извѣстно, что 20-го назначена демонстрація. Если въ ней не примутъ участія евреи, ни одинъ волосъ не упадетъ съ ихъ головы; если примутъ — я не дамъ ни одного городового въ ихъ защиту“; 2) къ Штакельбергу; тотъ отвѣтилъ: „во всякомъ случаѣ мы не допустимъ погрома до *такихъ* размѣровъ, какъ въ Кишиневѣ; 3) къ Цихоцкому; тотъ сказалъ: „если евреи сами не будутъ защищаться, полиція ихъ

защититъ". Богатые евреи съ Александровской улицы (Подолъ — торговые еврейскіе кварталы, гдѣ ютятся во множествѣ кіевскіе еврейскіе ремесленники, гдѣ больше всего и босяковъ) поднесли приставу подольскаго участка нѣсколько тысячъ рублей съ просьбой не допустить погрома. Тотъ деньги положилъ въ карманъ и говоритъ: „при теперешнихъ обстоятельствахъ я ни за что во ввѣренномъ мнѣ участкѣ не могу ручаться. Во всякомъ случаѣ совѣтую вамъ три дня не выходить на улицу". До чего въ виду сказаннаго доходитъ паника, можно судить по слѣдующему: въ Коммерческомъ банкѣ имѣются особые именные ящики въ несгораемыхъ шкапахъ для храненія цѣнныхъ бумагъ, — ящики, обычно пустующіе. Директоръ банка говорилъ вчера, что теперь они не только заняты собственниками, но что послѣдніе продаютъ своимъ соплеменникамъ углы въ ящикахъ. У ломбардовъ позавчера были густыя толпы еврейской бѣдноты, стягивавшей туда свои пожитки на сохраненіе; бросалось въ глаза обиліе швейныхъ машинъ. Молодежь еврейская устроила „временный комитетъ самозащиты и самообороны", проситъ демонстрацій не устраивать. Насчитываетъ, говорятъ, въ своихъ рядахъ до 900 челов.; вооружились. Среди учащихся многіе вообще запаслись револьверами — „на всякій случай". Аресты ежедневные на улицахъ, по домамъ. Позавчера ночью арестована рабочая сходка, вчера вечеринка интеллигентовъ (50 чел.). Въ лѣсу захватили шесть рабочихъ собраніи.

Кіевъ. Какъ сообщалось въ прошломъ номерѣ, Комитетъ отмѣнилъ назначенную на 20-ое апрѣля демонстрацію, такъ какъ узналъ, что полиція готовитъ на этотъ день погромъ евреевъ. Въ изданной 27-го апрѣля прокламаціи „Почему была отмѣнена демонстрація 20-го апрѣля?" Комитетъ разсказываетъ о томъ, какъ полиція распространяетъ слухи о готовящемся погромѣ. Между прочимъ, „на Пристани и на Крещатикѣ распространялись брошюры, въ которыхъ на евреевъ возводятся всякія небылицы, причемъ распространявшій ихъ *агентъ религіозно-просвѣтительнаго общества* выкрикивалъ: „средство отъ жидовъ!"

Приставъ подольскаго участка и полицеймейстеръ Цихоцкій получили отъ еврейской буржуазіи крупныя взятки. Полицеймейстеръ принялъ „мзду" подъ предлогомъ употребленія поднесенныхъ ему денегъ (отъ 6 до 10 тысячъ) „на усиленіе штата полиціи". Констатируя, что самодержавіе отказываетъ евреямъ въ охранѣ ихъ элементарнѣйшихъ правъ, Комитетъ пригласилъ всѣхъ гражданъ выразить свой протестъ противъ правительственнаго антисемитизма участіемъ въ майской демонстраціи, которую онъ перенесъ на 4-ое мая.

Комитетъ сообщаетъ намъ, что его агитація противъ политики „погромовъ" принесла плоды. „Все еврейское населеніе, что ни часъ, революціонизируется. Спросъ на наши листки о погромахъ громадный. Нѣкоторые, даже мирные евреи, хранятъ ихъ, какъ святыню". Прокламаціи о кишиневскихъ звѣрьствахъ и отмѣнѣ демонстраціи въ одинъ день разлетѣлись по городу. Комитетская типографій издала ихъ три тысячи, но онѣ переиздавались „Комитетомъ самообороны", который для этого работалъ въ четыре смѣны.

Насколько намъ извѣстно, помѣщенныя въ № 23 „Рев. Рос." нападки на Комитетъ за отсрочку демонстраціи лишены всякаго основанія и лишній разъ свидѣтельствуютъ о недобросовѣстности столь же безсильной, сколько и претенціозной „партіи".

Одесса. Погромъ въ Кишиневѣ страшно поразилъ всѣхъ. Къ чести еврейской молодежи, нужно сказать, что она готовилась постоять за себя въ Одессѣ, и нужно полагать, постояла бы. Жаль только, что „Комитетъ національной обороны" воспользовался для своихъ цѣлей помѣщеніями, отведенными полиціей для „независимыхъ". Сіонисты*) на почвѣ погрома усиленно зовутъ въ Палестину, отвлекая евреевъ отъ борьбы съ самодержавіемъ. Мѣстный Комитетъ Рос. С.-Д. Р. П. выпустилъ прокламацію о погромѣ „Къ обществу" въ 2500 экз., половина ихъ была разбросана передъ театрами. Кромѣ того, о погромѣ была выпущена прокламація къ массѣ въ 3000 экз. Несомнѣнно, погромъ сыгралъ огромную агитаціонную роль. Везду только и говорятъ о преступленіяхъ полиціи и правительства.

Ялта, 30 апрѣля. *Ходятъ упорные слухи о предстоящемъ въ маѣ мѣсяцѣ еврейскомъ погромѣ. Семействъ тридцать зажиточныхъ евреевъ покинуло уже городъ. Еврейская мелкота, не имѣющая возможности слѣдовать за богатыми, живетъ въ непрерывномъ страхѣ, неувѣренная, что первый встрѣчный уличный мальчишка, которому придетъ въ голову фантазія бросить въ еврея камнемъ, не подастъ сигнала къ поголовному избіенію. Насколько напряжена атмосфера, показываетъ такой фактъ. Проходятъ по городу мѣстные солдаты, и сейчасъ же разносится слухъ, что на случай погрома прибыли войска — то изъ Севастополя, то изъ Ѳеодосіи.*

С.-Петербургъ. 18-го апрѣля въ Домѣ Предварительнаго Заключенія около 12 часовъ дня всѣ политическіе заключенные вывѣсили въ окнахъ знамена и вся тюрьма огласилась пѣніемъ „Варшавянки", а затѣмъ „Марсельезы". Начальство совершенно переполошилось, выбѣжало на дворъ, не зная, какія мѣры принять противъ демонстрантовъ. Послѣ пѣнія раздались крики: „да здравствуетъ 1-ое мая!", „Долой самодержавіе!" и пр. революціонные возгласы, покрытые восторженными „ура" не только политическихъ, но и уголовныхъ. Вечеромъ того же дня послѣ молитвы уголовныхъ снова были выкинуты знамена, при чемъ всѣ окна были освѣщены свѣчами (своего рода иллюминація) и снова политическіе запѣли „Марсельезу" и „Варшавянку", раздались снова революціонные возгласы: „Долой самодержавіе!", „Да здравствуетъ соціализмъ!" и пр. На слѣдующій день тюремное начальство извѣстило жандармовъ, по распоряженію которыхъ большинство политическихъ лишено свиданій, переписки на мѣсяцъ. Всѣхъ заключенныхъ (политич.) насчитывается до 150 человѣкъ; 22-го апрѣля выпущены взятые по дѣлу „Искры" въ ноябрѣ: Шапошникова, Городинскій, Шнеерсонъ (былъ привезенъ изъ Кіева), а раньше Левитская, Краснуха.

Петербургъ 14-го апрѣля на Петербургской сторонѣ, по Бол. проспекту д. № 67 на кв. медички Барановой арестовано около 25 чел. Среди арестованныхъ большинство медичекъ, 4 рабочихъ: Богдановъ, Коркинъ, Янкельсонъ, Авильяновъ, ст. Дюбуа, служащая въ о-вѣ „Надежда" Шнеерсонъ Ф., Д. Шнеерсонъ, курсистки: Денисова, Соболева, Косачъ и др. Полиція хватала всѣхъ, кто только подымался по этой лѣстницѣ; напр., взяли какого-то субъекта, шедшаго изъ бани, женщину съ ребенкомъ, изъ любопытства заглянувшую. Аресты не прекращаются. На дняхъ арестованы двѣ сестры Дмитріевы — лесгафтички, шесть студ.-технологовъ, рабочій Стернинъ. Взяты двѣ типографіи.

Въ городѣ ходятъ слухи о несостоявшемся покушеніи на Николая. Разсказываютъ, что какой-то студентъ поджидалъ его на Екатерининскомъ каналѣ, но шпіонъ обратилъ на него вниманіе и отобралъ револьверъ. За достовѣрность не ручаюсь. Не полиція ли распространяетъ подобные слухи передъ 1 мая?

Москва. Русское правительство съ постоянствомъ, достойнымъ лучшей участи, проявляетъ свое „сердечное" отношеніе къ учащейся молодежи. Подъ шумокъ безконечныхъ разговоровъ всякихъ комиссій и подкомиссій о школьной реформѣ правительство исподволь „реформируетъ" тѣ учебныя заведенія, организація коихъ не соотвѣтствуетъ его зубатовскимъ требованіямъ. Какъ образчикъ того, чего можетъ ждать въ этомъ направленіи русское общество, сообщаемъ слѣдующій провѣренный фактъ. Существуетъ въ Москвѣ школа садоводства при дачѣ Студенецъ, много лѣтъ тому назадъ пожертвованной царемъ въ вѣчную собственность Россійскому Обществу Садоводства. По высочайше утвержденному уставу этой школы директоръ ея каждое трехлѣтіе избирался Совѣтомъ Р — аго О — ва С., директоръ съ утвержденіямъ Совѣта (Совѣтъ тоже избирается членами Общества) назначалъ инспектора, который отъ себя приглашалъ преподавателей. При такой организаціи школа эта, причисленная къ разряду низшихъ учебн. заведеній, но насчитывавшая среди своихъ воспитанниковъ немало молодыхъ людей въ призывномъ возрастѣ, была свободна отъ замораживающаго вліянія учебнаго округа и съ появленіемъ въ средѣ преподавателей людей съ передовыми взглядами стала быстро развиваться. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, прежде отупѣлые, совершенно невѣжественные ученики, оканчивавшіе пятилѣтній курсъ школы чуть ли не безграмотными, измѣнились до неузнаваемости: установилось вполнѣ довѣрчивое отношеніе ихъ къ лучшимъ преподавателямъ, съ неудержимой силой пробудился въ нихъ интересъ къ вопросамъ науки и общественной жизни, и мало-по-малу лучшіе ученики активно примкнули къ разнымъ фракціямъ того общественнаго передоваго движенія, которое за послѣдніе годы широкой волной охватило Россію. Какъ водится, съ первыми ростками новой жизни въ школу проникли и сыщики. Сначала ихъ стали замѣчать во дворѣ и въ саду школы, затѣмъ распространились слухи, что они проникли и въ среду учениковъ. Подозрѣніе высказывалось противъ ученика Румянцева на томъ основаніи, что онъ поддерживалъ оживленныя сношенія со своимъ дядей, который состоитъ агентомъ охраннаго отдѣленія. Другихъ доказательствъ его виновности добыть не удалось. Какъ бы то ни было, но съ весны 1902 г. для школы наступило тяжелое время. Началось съ своевременно сообщеннаго ареста преподавателя С. И. Опенченки. Съ этимъ временемъ совпала начатая друзьями школы въ Р. Общ. С. выборная агитація противъ прежняго консервативнаго Совѣта, тормозившаго развитіе школы. Агитація эта закончилась побѣдой либеральной партіи и перемѣной всего состава Совѣта; директоромъ школы былъ избранъ проф. моск. с.-хоз. института С. И. Ростовцевъ, вице-директоромъ присяжн. повѣрен. А. И. Марковъ. Очень спѣшно былъ произведенъ выпускъ учениковъ 1902 года, чтобы дать возможность закончить курсъ ученикамъ, надъ которыми собиралась гроза. Успѣли какъ разъ во время, такъ какъ вскорѣ послѣ экзаменовъ нѣсколько садоводовъ выпуска 1902 г. были арестованы (Никифоровъ и др.) и высланы изъ Москвы. Но и этимъ не ограничилось правительство, не оставлявшее съ тѣхъ поръ школы своимъ милостивымъ вниманіемъ. Былъ произведенъ повальный обыскъ въ пансіонѣ школы, въ классахъ, учительской комнатѣ и по всей площади сада, но ничего найдено не было. Во время обыска и на допросѣ ученики, даже младшіе, держали себя молодцами. На вопросъ жандармовъ, куда чаще всего ходили выпускные ученики, малыши указали имъ на прилегающіе къ саду давно заброшенныя каменоломни, гдѣ ученики лѣтомъ устроили себѣ отхожее мѣсто. Жандармы бросились туда, стали рыться подъ камнями и были очень непріятно поражены находкой. Затѣмъ стали тягать учениковъ на допросы. Но такъ какъ жандармы, не довѣрявшіе воспитателямъ, доставляли повѣстки непосредственно ученикамъ и обязывали молчаніемъ передъ учебнымъ начальствомъ, то директоръ, ссылаясь на уставъ школы, по коему ученики не имѣютъ права выходить изъ пансіона безъ особаго всякій разъ разрѣшенія инспектора, своей властью прекратилъ это хожденіе учениковъ на допросы. Далѣе по настоянію жандармовъ были уволены изъ школы 3 ученика, но благодаря заступничеству директора они вскорѣ были приняты обратно. На нападки жандармовъ ученики отвѣтили демонстраціей: были изрѣзаны и перепачканы царскіе портреты въ рекреаціонномъ залѣ. Тогда, очевидно, рѣшено было приняться за школу во всю. Въ январѣ было получено распоряженіе объ увольненіи немедленномъ всего штата преподавателей и замѣнѣ его новымъ (кромѣ директора и инспектора). Наконецъ, въ концѣ февраля с. г. президентъ Р. Общ. С. Цабель, созвавъ экстренное собраніе Совѣта общества, объявилъ ему, что въ сосѣдней комнатѣ сидитъ чиновникъ особыхъ порученій отъ Протасаева-Бахметьева, привезшій съ собою проектъ новаго устава школы съ требованіемъ утвердить его. Проектъ уничтожалъ въ школѣ всякіе слѣды самоуправленія и передавалъ школу въ вѣдѣніе учрежденія Маріи Федоровны. На предложеніе Цабеля члены Совѣта, преимущественно нѣмцы — садоводы, отвѣтили горячимъ протестомъ. Присяжный повѣренный Марковъ въ своей страстной рѣчи напомнилъ собранію, что Совѣтъ существуетъ для свободнаго сужденія о нуждахъ общества, а не для подписанія того, что прикажетъ свыше начальство, которое, если хочетъ, можетъ отнять у общества привилегіи, но подписаніе самому себѣ смертнаго приговора несовмѣстимо съ достоинствомъ общества. Совѣтъ громаднымъ большинствомъ отвергъ проектъ. Чиновникъ особыхъ порученій немедленно уѣхалъ обратно въ Петербургъ, и черезъ двѣ недѣли было получено слѣдующее административное распоряженіе: 1) высочайше пожалованная дача Студенецъ вмѣстѣ со школой отбираются въ вѣдѣніе учрежденія Маріи Федоровны, за обществомъ оставляется лишь право избранія попечительнаго совѣта о школѣ, т. е. благотворительнаго учрежденія, 2) директоръ отнынѣ не избирается, а назначается вѣдомствомъ учреж. М. Ф., имъ же утверждаются и учителя школы, 3) въ текущемъ году ученики двухъ старшихъ (4 и 5-го) классовъ выпускаются одновременно безъ дипломовъ: дипломы могутъ быть ими получены: — первыми черезъ два года, а вторыми — черезъ годъ, если они представятъ къ тому времени свидѣтельство о благонадежности отъ полиціи, удостовѣреніе отъ садоваго заведенія о томъ, что они все это время практически занимались садоводствомъ, и аттестатъ о хорошемъ поведеніи отъ хозяевъ: въ противномъ случаѣ они лишаются дипломовъ. Для выясненія всей гнусности послѣдняго распоряженія необходимо еще указать, что большинство кончающихъ эту школу обыкновенно садоводствомъ не занимаются, а продолжаютъ свое образованіе въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ или сдаютъ экзамены на званіе учителя. Практическую подготовку они уже получили: каникулъ въ этой школѣ нѣтъ, все лѣто ученики работаютъ въ саду школы, а зимою въ оранжереяхъ; принимаютъ и заказы на работы въ чужихъ садахъ. Въ довершеніе всего носятся упорные слухи, что будутъ распущены и всѣ ученики младшихъ трехъ классовъ, а осенью будетъ произведенъ новый пріемъ учениковъ — совсѣмъ какъ при разжалованіи впавшаго въ немилость полка. Такія проявленія самодержавнаго самодурства большей частью проходятъ незамѣченными, такъ какъ совершаются они подъ сурдинку, особенно когда гнѣвъ обрушивается на безотвѣтную низшую школу. Считаемъ нравственнымъ долгомъ своимъ доводить о подобныхъ фактахъ до свѣдѣнія русскаго общества, чтобы оно воочію убѣдилось, какъ русскій царь любитъ и отечески печется о дѣтяхъ своихъ вѣрноподанныхъ.

*) Отъ ред. Кстати о сіонистахъ: намъ сообщаютъ, что эти господа уклонились отъ участія въ митингѣ, созванномъ парижскими профессорами, въ цѣляхъ протеста противъ кишиневскихъ звѣрствъ. Мотивировка: они не желаютъ портить своихъ отношеній съ правительствомъ Россійскаго султана. Парижскіе сіонисты оказались въ хорошей компаніи: либеральные профессора „Высшей русской школы" тоже не приняли участія въ этомъ митингѣ. Мотивы, конечно, столь же шкурнаго свойства.

Москва. Сообщу Вамъ послѣднюю милость властей къ изгнаннымъ изъ Сибири студентамъ (имъ запрещено проживать въ предѣлахъ ея). Къ сожалѣнію, не могу списать дословно (слишкомъ много сердечнаго попеченія) и потому передаю самую суть подлинника.

Властями замѣчено, что возвращенные Высочайшимъ распоряженіемъ и разселенные вокругъ Москвы (какъ волки вокругъ овчарни) постоянно являются туда, проживаютъ и ведутъ агитацію, „съ цѣлью вновь устроить безпорядки на политической почвѣ". Посему приказывается мѣстнымъ властямъ, неослабно слѣдить за оными агитаторами и о выѣздѣ ихъ сообщать немедленно, по возможности, телеграммой Московскимъ же властямъ считать ихъ появленіе достаточнымъ основаніемъ для ареста и заключенія.

Дальше приложенъ списокъ непринятыхъ въ университетъ и возвращенныхъ изъ Сибири, всего человѣкъ триста. Въ Москвѣ арестовали 12 января возвратившагося студента Карякина и только что выпустили на поруки подъ большой залогъ (5000 р.). Говорятъ, еще арестованъ возвращенный прис. повѣр. Волковъ. Арестовали студ. Карпачева, тоже возвращеннаго и принятаго въ Университетъ — но выпустили. Вотъ вамъ и милость царская — зачешешься!

Еще надо прибавить, что полиціи не особенно-то удается ея система, а то еще много уѣхало бы „на дачу".

Уже два раза провокаторы старались устроить безпорядки, понимая, конечно, что они вышли бы мизерными, и полиціи можно было бы проявить свою распорядительность.

Появились „охранныя" прокламаціи преступнаго содержанія — первый разъ передъ 19 февраля (сопровождались арестами). Другой разъ они приглашали на сходку въ среду 27 февраля(?), чтобы поддержать петербуржцевъ, заявившихъ, что теперь учиться невозможно.

Прокламація подписана N-скимъ землячествомъ, котораго при разслѣдованіи и подлежащемъ разсмотрѣніи не оказалось.

На сходку явилось около 50 человѣкъ и не смотря на усиленное приглашеніе *неизвѣстныхъ* студентовъ во что бы то ни стало устроить безпорядокъ, и не смотря на всѣ обвиненія въ трусости — сходка разошлась мирно. Очевидно, полиція думала, что при теперешнемъ настроеніи ей легко замѣтить всѣхъ главарей (а ихъ-то на ея разочарованіе и не было).

Начальство старается! Копія съ секретнаго письма начальника штаба кавказскаго военнаго округа Наказному Атаману Кубанскаго казачьяго войска отъ 26-го февраля 1903 года за № 639.

Военный министръ въ письмѣ своемъ къ командующему войсками округа отъ 21-го января с. г. за № 62, сообщилъ мнѣ нижеслѣдующее:

По полученнымъ изъ Департамента Полиціи свѣдѣніямъ, за послѣднее время наблюдается усиленное стремленіе со стороны разныхъ революціонныхъ группъ къ организаціи противоправительственной пропаганды въ войскахъ. Послѣдняя выражается въ попыткахъ распространенія среди солдатъ и другихъ военныхъ чиновъ нелегальныхъ изданій, которыя для этой цѣли разсылаются въ войсковыя части по почтѣ, или, что наблюдается гораздо чаще, подбрасываются въ казармы, дворы при нихъ и другія мѣста, находящіяся въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства.

Однако, не смотря на принимаемыя чинами Отдѣльнаго Корпуса жандармовъ весьма энергичныя мѣры къ разъясненію подобныхъ событій, дознанія о распространеніи революціонныхъ изданій въ войскахъ обыкновенно прекращаются за необнаруженіемъ виновныхъ. По имѣющимся въ Департаментѣ Полиціи свѣдѣніямъ, въ числѣ причинъ, вызывающихъ такой нежелательный исходъ дѣлъ, немаловажное мѣсто занимаютъ нѣкоторыя обстоятельства, устраненіе которыхъ зависитъ отъ самого военнаго вѣдомства.

Изъ числа указанныхъ обстоятельствъ, прежде всего обращаетъ вниманіе медленность, иногда весьма значительная, въ увѣдомленіи чиновъ Корпуса Жандармовъ военными властями о случаяхъ обнаруженія въ мѣстахъ ихъ исключительнаго вѣдѣнія преступныхъ по содержанію сочиненій. Такая медленность происходитъ очень часто вслѣдствіе того, что мѣстное военное начальство производитъ вопреки 1035 12/13 ст. Уст. Угол. Судопр. своими средствами разслѣдованіе, которое затѣмъ передается въ надлежащее Жандармское Управленіе, иногда же объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что нижніе чины не всегда своевременно доносятъ кому слѣдуетъ о найденныхъ ими нелегальныхъ изданіяхъ. При этомъ нельзя не упомянуть, что начальники нѣкоторыхъ воинскихъ частей, изъ боязни скомпрометировать свою часть, намѣренно скрываютъ и уничтожаютъ находимые въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстахъ революціонные листки, прокламаціи и т. п. Далѣе, при производствѣ нѣкоторыхъ дознаній было установлено, что распространеніе нелегальныхъ изданій можно было бы предупредить, если бы вездѣ признавалось одинаково необходимымъ имѣть смѣнныхъ дневальныхъ при входахъ въ казарменные дворы и вообще въ мѣста, служащія исключительно для военнаго вѣдомства. Наконецъ, представляется весьма желательнымъ установленіе особо тщательнаго надзора за помѣщеніями, гдѣ находятся нижніе чины изъ евреевъ, а равно и за вещами послѣднихъ, т. к. практика показываетъ, что эти солдаты поддерживаютъ обыкновенно сношенія съ мѣстнымъ еврейскимъ населеніемъ, изъ среды котораго выходитъ вообще не мало лицъ, занимающихся революціонной пропагандой. Вслѣдствіе вышеизложеннаго, Военный Министръ приказалъ подтвердить, въ интересахъ огражденія арміи отъ преступной пропаганды, по войскамъ округа: 1) чтобы начальники отдѣльныхъ частей отнюдь, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности, не позволяли себѣ уничтожать или какимъ-либо образомъ скрывать отъ надлежащихъ властей находимые въ подвѣдомственныхъ имъ мѣстахъ революціонные листки и вообще изданія нелегальнаго характера; 2) чтобы о случаяхъ обнаруженія въ мѣстахъ, состоящихъ въ ихъ исключительномъ вѣдѣніи, преступныхъ по содержанію сочиненій, они безъ всякаго замедленія сообщали бы подлежащимъ чинамъ Отдѣльнаго Корпуса Жандармовъ, т. к. по закону производство дознаній по государственнымъ преступленіямъ, за исключеніемъ лишь случаевъ, точно указанныхъ ст. 1035/12 Уст. Угол. Судопр., возлагается именно на офицеровъ этого корпуса; 3) чтобы нижнимъ чинамъ вновь была подтверждена и постоянно напоминаема обязанность ихъ немедленно представлять по начальству всѣ находимыя ими нелегальныя изданія; 4) чтобы при всѣхъ входахъ въ казарменные дворы и вообще въ мѣста, находящіяся въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго начальства были наряжаемы дневальные изъ расторопныхъ и грамотныхъ нижнихъ чиновъ, на обязанности которыхъ лежало бы слѣдить за всѣми отдѣльными лицами, входящими и выходящими изъ этихъ дворовъ и помѣщеній, опрашивать, буде встрѣтится въ томъ надобность, о званіи ихъ, о цѣли прихода, съ отмѣткою о томъ, а также о времени ихъ прихода и ухода въ особую книгу, представляемую ежедневно дежурному по части офицеру; 5) Чтобы ближайшее начальство за нижними чинами изъ евреевъ и ихъ вещами, въ виду обстоятельствъ, указываемыхъ въ сообщеніи Департамента Полиціи, имѣло особо тщательный и неослабный, хотя и не гласный надзоръ.

Обо всемъ вышеизложенномъ имѣю честь сообщить, по приказанію Командующаго Войсками Округа, Вашему Превосходительству для зависящихъ распоряженій о неуклонномъ исполненіи всѣми начальствующими лицами вышеприведенныхъ мѣръ, предписанныхъ Его Превосходительствомъ Военнымъ Министромъ.

Къ пропагандѣ въ арміи. За подписью „офицера русской арміи" намъ прислано сообщеніе о томъ, что въ мартѣ въ Кіевѣ была распространена гектографированная прокламація „Къ русскимъ офицерамъ". Прокламація обращаетъ вниманіе офицеровъ на недостойность ихъ положенія „усмирителей" освободительнаго движенія. Прокламація подписана „Союзомъ для пропаганды въ войскѣ".

Красноярскъ. апрѣль 1903 г. Вакханалія полицейской и жандармской разнузданности въ нашемъ городѣ все продолжается и растетъ.

Въ мартѣ насъ осчастливилъ своимъ пріѣздомъ фонъ-Валь, явившійся для личнаго разслѣдованія томскаго побоища и совершившій, воспользовавшись случаемъ, экскурсію по Сибири. Слѣды этого проѣзда сказались въ Красноярскѣ усиленной погоней за „революціонными бациллами". А такъ какъ здѣшніе спеціалисты весьма еще плохо освѣдомлены въ бактеріологіи, то естественно, что они по глупости хватаютъ первыхъ попавшихся имъ лицъ...

Вскорѣ послѣ послѣднихъ мартовскихъ арестовъ и обысковъ, пріѣхалъ въ Красноярскъ прокуроръ судебной палаты Яраковъ. Этотъ выученикъ школы гг. Муравьева-Плеве, рѣшилъ навести окончательно ужасъ на городъ и „революціонеровъ". Онъ распорядился объ арестѣ ссыльнаго Икова, у котораго нашли одну прокламацію; онъ призвалъ къ допросу фельдшерицу, у которой нашли текстъ адреса томичамъ, при чемъ былъ до крайности грубъ („вы все врете", „плетете, чортъ знаетъ, что" и пр. милыя выраженія такъ и сыпались съ устъ г. прокурора); невѣстѣ Икова.

пришедшей узнать объ участи жениха, г. Яраковъ тоже наговорилъ дерзостей, заявилъ, что школа распущена, что онъ пріѣхалъ „подтянуть“ и пр. и пр. Эта поучительная поѣздка немедленно дала плоды.

25-го марта вечеромъ идетъ по улицѣ одинъ здѣшній рабочій. Вдругъ слышитъ сзади крикъ, шумъ. Оглядывается: къ нему бѣжитъ какая-то фигура, которая въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стрѣляетъ въ воздухъ и свиститъ. Это — пикетчикъ. На его свистъ и выстрѣлъ сбѣгаются другіе стражи: парня арестуютъ, приводятъ въ участокъ. Пикетчикъ предъявляетъ двѣ прокламаціи, найденныя имъ на улицѣ, и объясняетъ, что, хотя онъ и не видѣлъ, чтобы арестованный бросилъ эти прокламаціи, но такъ какъ было поздно, а онъ шелъ по улицѣ, то пикетчикъ представилъ его въ участокъ. Рабочаго привлекаютъ къ дознанію въ порядкѣ 251 ст. и отправляютъ въ тюрьму, гдѣ, за неимѣніемъ мѣста, его помѣщаютъ вмѣстѣ въ уголовными, отбираютъ его платье. одѣваютъ въ арестантскій костюмъ и пр.! Тутъ ясно сказывается духъ фонъ-Валевской политики въ Вильно и Зап. Краѣ вообще, когда сторожа и городовые изъ-за награды хватали всѣхъ на улицѣ и тащили въ участокъ, какъ распространителей прокламацій. Ни при личномъ, ни при домашнемъ обыскѣ у арестованнаго ничего не нашли. Но такъ какъ онъ въ прошломъ году привлекался по той же статьѣ (дѣло его еще не рѣшено въ Питерѣ), то его и теперь держатъ...

Въ началѣ апрѣля арестуютъ фельдшерицу Натанзонъ, уже находившуюся подъ слѣдствіемъ по 251 ст. Новое обвиненіе (по той же статьѣ) основываютъ на томъ, что она, будто бы, отправляла съ вокзала въ Читу и Омскъ посылки, которыя при вскрытіи (!) оказались съ прокламаціями. Предъявили ее свидѣтелямъ (жандармамъ, конторщикамъ и проч.) Говорятъ: „не она“. Тогда жандармерія, воспользовавшись тѣмъ, что въ городѣ есть ссыльная Аркусская, очень похожая лицомъ на фельдшерицу, освобождаетъ послѣднюю и арестуетъ Аркусскую. Свидѣтели расходятся въ показаніяхъ, тотъ говоритъ „она“, другой „не она“, третій „похожа“ и т. д. и т. д. Но ее оставили въ тюрьмѣ и привлекли по 251 ст. 2-ой части. Зачѣмъ? Почему? Развѣ потерявшіе голову холопы азіатскаго самодержавія отдаютъ отчетъ въ своихъ поступкахъ? На вокзалѣ они арестуютъ и обыскиваютъ бывшаго ссыльнаго, пріѣхавшаго откуда-то въ Красноярскъ, ничего не находятъ и отпускаютъ. Зачѣмъ это сдѣлали? Навѣрное, самъ жандармскій ротмистръ не знаетъ: просто въ его отупѣвшую голову залетѣла шальная мысль „дай, дескать, обыщу“, и обыскалъ.

„Ну, а что же общество? Что дѣлаетъ дирекція школы, надъ ученицами которой такъ безнаказанно издѣваются представители прокуратуры съ г. Яраковымъ во главѣ и жандармерія съ ротмистромъ Шпарковскимъ подъ началомъ?“ О! обществу за этотъ мѣсяцъ было много работы: оно усиленно подъ шумокъ сплетничало, создавало цѣлыя легенды, увѣряло пресерьезно, что „типографія“ въ фельдшерской школѣ (къ удивленію, это не иронія надъ полиціей, а серьезное убѣжденіе всѣхъ либеральныхъ кумушекъ мѣстнаго „культурнаго“ общества!) и т. д. и т. д. „Общество“, повѣрившее вмѣстѣ съ г. полиціймейстеромъ, объявившимъ послѣ манифеста 26-го февраля объ изданіи русской конституціонной хартіи, о скоромъ водвореніи „гарантія личности“, это общество, увидавъ, что основы русской конституціи — плеть и застѣнокъ, — конечно, струсило и начало показывать кукишъ въ карманѣ. Гг. врачи и дирекція школы, конечно, лишь выдали себѣ testimonium paupertatis (свидѣтельство о бѣдности)! Они трепетали за школу, забывъ о привлекаемыхъ ученицахъ, сидящихъ по участкамъ и пр. То, что страдаютъ дѣвушки ни за что, ни про что попадающія въ тюрьмы, что гибнутъ молодыя силы— это до нихъ не касается! Либералъ всегда любитъ дѣлать такъ, чтобы его карманъ и его репутація благонамѣреннаго фрондера оставались цѣлы! Конечно, о какомъ-либо протестѣ никто и не заикнулся; среди всеобщаго трепета („а вдругъ и меня въ часть?“) спокойно распоряжались гг. Яраковы, Шпарковскіе и пр. гады нашего государственнаго болота. Пусть бы дѣло шло только объ арестахъ среди ссыльныхъ: „чужестранцы“ — дѣйствительно чужды даже наиболѣе либеральнымъ кумушкамъ, (въ Ачинскѣ отъ ссыльной дѣвушки перебѣгали на другую сторону, затворяли двери дома ачинскіе столпы либерализма), но дѣло идетъ о дочеряхъ и сыновьяхъ этого общества! Комитетъ настоятельно призывалъ все общество прійти на помощь революціонному движенію рабочихъ. Общество ясно доказало свое банкротство и неимѣніе самыхъ элементарныхъ понятій о чести, достоинствѣ и т. д. Оно въ безконечный разъ выдало наиболѣе молодыхъ и лучшихъ своихъ членовъ гг. гасителямъ мысли и слова въ Россіи.

Астрахань. — Педагоги-сыщики. При мѣстномъ управленіи калмыцкимъ народомъ есть пансіонъ, въ которомъ заботливое правительство призрѣваетъ обучающихся въ городѣ дѣтей калмыковъ-кочевниковъ. Кромѣ старшихъ воспитанниковъ — учениковъ гимназіи и реальнаго училища, есть и малыши, для которыхъ здѣсь построено училище. Пансіономъ и училищемъ завѣдуетъ нѣкто Авровъ, бывшій классный надзиратель реальнаго училища. Этотъ господинъ, отличавшійся на прежнемъ поприщѣ склонностью къ сыску и доносамъ, устроилъ для своихъ питомцевъ такой режимъ, который довелъ ихъ до открытаго протеста. Скаредное и унизительное для мальчиковъ оберeганіе каждаго карандаша и листа бумаги, „экономія“ на обѣдѣ воспитанниковъ, грубое и презрительное обращеніе, а съ наиболѣе беззащитными — маленькими — и ручная расправа, — въ такихъ формахъ проявилось здѣсь „сердечное попеченіе“. Все это было поставлено на видъ г. Аврову въ письмѣ, поданному ему прямо и открыто однимъ изъ пансіонеровъ съ подписью: „Всѣ“. Юные мечтатели оптимистически разсчитывали, что, выяснивъ надзирателю его негодность, они заставятъ его уйти. Но гг. Авровы стыда не знаютъ. Письмо передано по инстанціямъ съ подлежащими комментаріями „главному попечителю калмыцкаго народа“ мѣстному губернатору Газенкамферу. Тотъ поручаетъ одному изъ чиновниковъ управленія Сусскому произвести дознаніе о бунтѣ въ стѣнахъ пансіона, и на основаніи составленнаго доклада (образъ Аврова, по даннымъ доклада, конечно, сіялъ бѣлѣе и чище мѣла, а мальчики рисовались злостными бунтовщиками) послѣдовала попечительская резолюція: двухъ гимназистовъ, выставленныхъ организаторами „бунта“ (писавшаго письмо и подавшаго), исключить не только изъ пансіона, но и изъ гимназіи. Только вмѣшательство гимназическаго начальства, возмутившагося, что его учениковъ исключаютъ безъ его согласія, смягчило участь обреченныхъ, и полное исключеніе было замѣнено временнымъ и ссылкой въ степь подъ надзоръ мѣстнаго попечительства. Среди гимназистовъ, русскихъ товарищей ссылаемыхъ, явилась было мысль вступиться за товарищей и отправить депутацію къ губернатору, но мысль эта заглохла, также и намѣреніе поднести опальнымъ въ знакъ сочувствія фотографическую группу. Начальство разъяснило гимназистамъ, что цѣнитъ ихъ сочувственное отношеніе къ товарищамъ, но отношеніе это можетъ быть „дурно истолковано“. Въ настоящее время одинъ изъ „преступниковъ“ уже водворенъ въ новомъ мѣстѣ жительства, высылка другого — 14-15 лѣтняго мальчика — отложена за его болѣзнью. Отосланный въ степь былъ аттестованъ губернатору директоромъ какъ одинъ изъ лучшихъ учениковъ, никогда не проявлявшій бунтарскихъ наклонностей, притомъ какъ талантливый музыкантъ (крупная сила, по отзыву музыкальнаго училища).

Тифлисъ.

Неспокойное настроеніе отразилось и на нашихъ средне-учебн. заведеніяхъ. Поводомъ послужило какое-то требованіе учащихся 1-ой мужской клас. гимназіи министерскаго праздника, которое выразилось очень буйно: били скамьи, стекла — въ результатѣ 6 чел. уволены изъ гимназіи. Ученическій кружокъ сталъ выпускать листки, требуя возвращенія товарищей. Услужливое Жандармское Управленіе пришло на помощь „воспитателямъ“ — начались повальные обыски среди гимназистовъ, находили у многихъ прокламаціи „Къ гражданамъ“. И вотъ „враги отечества“, „нарушители общественнаго порядка и спокойствія“, гимназисты 4-5 класса сажаются въ Метехскій замокъ, запугиваются всѣми средствами, имѣющимися въ рукахъ жандармовъ, — часть выпускаютъ, другая занимаетъ ихъ мѣста.

А „воспитатели“ не только не стѣсняются, но даже усиленно помогаютъ въ плодотворныхъ трудахъ жандармскому управленію. Да и кто эти воспитатели? Характеристика ихъ приблизительно извѣстна многимъ по характеристикѣ учителя В. В. Агапьева и въ прокламаціи прошлаго года; можно дополнить ее указаніемъ на плодотворную дѣятельность директора Александровскаго Учительскаго Института Стрѣлецкаго, который дѣлалъ обыски на квартирахъ учениковъ вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ. Въ 1-ой мужской гимназіи учитель древнихъ языковъ Соловьевъ посвятилъ цѣлый урокъ въ 7 классѣ восхваленію дѣйствій администраціи, съ восхищеніемъ описывалъ, какъ городовые били одну изъ участницъ демонстраціи, молодую дѣвушку, старался внушить своимъ слушателямъ преклоненіе передъ идеей власти и указывалъ на себя, въ какомъ священномъ трепетѣ находился онъ, видя, какъ Александръ III милостиво разговаривалъ съ его отцомъ. Вообще эта гимназія замѣчательна своимъ подборомъ педагоговъ.

Учитель русскаго языка Забѣжкинъ попалъ въ литературу за довольно странное упражненіе: онъ училъ учениковъ (русскихъ) дразнить воспитанниковъ армянъ по латыни (армяшка соленный). Въ армянской газетѣ „Ардзаганъ“ описывали воспитательные пріемы Забѣжкина подъ видомъ корреспонденціи изъ Ростова. За такое разоблаченіе газета поплатилась. Забѣжкинъ преподаетъ словесность въ Тифлисскомъ землемѣрномъ училищѣ. Въ мартѣ мѣсяцѣ, войдя въ старшій классъ на одинъ изъ своихъ уроковъ, Забѣжкинъ замѣтилъ въ классѣ волненіе; онъ сѣлъ на кафедру и приготовился начать урокъ. Одинъ изъ учениковъ поднялся, подошелъ къ каѳедрѣ и сталъ перечислять всѣ „достоинства“ Забѣжкина, какъ преподавателя и человѣка. Забѣжкинъ выбѣжалъ изъ класса, позвалъ директора и объявилъ ему, что оставляетъ учебное заведеніе, не обращая вниманія на усиленныя просьбы послѣдняго. Слѣдующій урокъ въ томъ же классѣ былъ директора, — съ нимъ повторилось то же самое, послѣ обличительной рѣчи его проводили шиканьемъ и свистками. Предупредительный воспитатель юношества, учитель математики Хевсуріанъ, поспѣшилъ на помощь съ двумя городовыми; ученикъ (обличитель) высказалъ директору удивленіе по поводу присутствія въ зданіи учебнаго заведенія полиціи, сказалъ, что не желаетъ больше оставаться въ учебномъ заведеніи и беретъ свои документы. Забѣжкинъ на другой день явился въ училище на уроки, но во всѣхъ классахъ его встрѣтили свистомъ, шиканьемъ и онъ былъ принужденъ оставить это мѣсто.

Ташкентъ, 27 марта. Пропаганда соціалистическихъ идей нашла себѣ почву и въ нашихъ палестинахъ, гдѣ два года назадъ нельзя было ничего ожидать.

За послѣднее же время и у насъ начинаются обыски, и у насъ правительство изволитъ съ корнемъ вырывать молодыя деревья. Лѣтомъ на удивленіе всѣхъ ташкентцевъ у ссыльнаго Шендрикова былъ произведенъ среди бѣла дня обыскъ (въ 3 ч. дня) гг. полицеймейстеромъ, 2 приставами и 2 околодочными. Нашли „Исповѣдь“ Толстого и .... обрадовались. Занесли въ протоколъ и отослали ее въ Департаментъ Полиціи.

Теперь же, недавно, гимназическое начальство пронюхало, что среди гимназистовъ циркулируютъ какіе то журналы (издаваемые гимназистами) и листки.

Начали по вечерамъ производить обыски у гимназистовъ, главнымъ образомъ. Обязанность сыщиковъ исполняли губернаторъ Корольковъ, инспекторъ Яхонтовъ, директоръ Преображенскій и прокуроръ (теплая компанія!). Въ результатѣ арестовали студ. Михина. Послѣдній сидитъ еще и теперь въ тюрьмѣ. Говорятъ, что на допросѣ одного гимназиста спросили, гдѣ онъ взялъ нелегальную литературу, онъ отвѣтилъ прежде: „купилъ на базарѣ“, а потомъ, увѣщанный начальствомъ, говоритъ: „студентъ Михинъ далъ“. — Кромѣ того, одинъ гимназистъ 6-го класса исключенъ, а четыремъ ученикамъ 7-го и 8-го класса поставили по 4 по поведенію въ „четвертныхъ свидѣтельствахъ“. Гимназисты рѣшили поколотить за это свое начальство: черезъ нѣсколько дней были избиты помощники классныхъ наставниковъ, выбиты окна у француза и грека. — Директору генералъ-губернаторъ Ивановъ предложилъ подать въ отставку. Ждутъ новаго директора, который общими силами съ полиціей и нѣкоторыми учителями начнетъ изгонять крамолу за предѣлы Каспійскаго моря.

Настроеніе среди гимназистовъ бодрое. Чувствуется недостатокъ въ литературѣ.

Съ границы. Хронику удавшихся побѣговъ „политическихъ“ изъ рукъ палачей самодержавія мы можемъ дополнить новымъ небезинтереснымъ фактомъ, происшедшимъ за самое послѣднее время.

Въ одномъ мѣстечкѣ жандармскій унтеръ получилъ по телеграфу приказъ арестовать человѣка съ опредѣленными, указанными въ телеграммѣ, примѣтами, если бы таковой тамъ появился. Жандарму, дѣйствительно, удалось задержать подходящаго человѣка. Онъ нанялъ возницу и везъ свою добычу въ ближайшій городъ. По дорогѣ арестованный обильно угощалъ цареву собаку водкой и пивомъ; всетаки напоить его не удалось. Но жандармъ вѣдь тоже человѣкъ и ничто человѣческое ему не чуждо, въ особенности послѣ того, какъ онъ принялъ въ желудокъ изрядное количество матеріи. Поэтому, естественно, что онъ долженъ былъ слѣзть съ повозки и удалиться на нѣсколько шаговъ. Возница воспользовался случаемъ и тоже слѣзъ. Отчаянная рѣшимость блеснула въ головѣ арестованнаго. Онъ дернулъ возжи. Лошади тронулись. Возница подскакиваетъ, но нѣсколько бѣшеныхъ ударовъ по спинѣ лошадей заставляютъ ихъ скакать во всю мочь, и повозка помчалась, сопровождаемая крикомъ возницы и жандарма. Справившись съ костюмомъ, жандармъ послалъ въ догонку бѣглецу четыре пули, изъ которыхъ одна его легко ранила. Въ первое время бѣглецъ раны вовсе не ощущалъ. Она, къ счастью, не помѣшала ему довести бѣгство до конца и теперь, когда нашъ товарищъ въ безопасности, она быстро заживаетъ. Надо полагать, что послѣ такой неудачи жандармъ вовсе не сообщитъ своему начальству о случившемся. Поэтому и мы не будемъ сообщать подробностей этого дѣла, чтобы не помѣшать товарищу въ дальнѣйшей работѣ.

Еще одинъ! Петръ Глѣбовичъ Ярковъ — таково имя одного изъ московскихъ провокаторовъ, „работающихъ“ въ пролетарской средѣ. Нашему мѣстному Комитету удалось достать копію съ документа, подписаннаго этимъ Іудой. Документъ носитъ заглавіе: „Думы. Повѣсть о томъ, какъ у меня образовалось собственное міровоззрѣніе, выстраданное мною и стоившее мнѣ очень и очень много“. Адресъ: „Въ московское жандармское управленіе, прилагается при прошеніи“. Писано изъ московской губ. тюрьмы 27 мая 1902 г. Разсказавъ о томъ, какъ его „совратили“ соціалисты и какъ онъ въ тюрьмѣ „въ своемъ заблужденіи искренно и чистосердечно раскаялся“, обливъ помоями своихъ прежнихъ товарищей, Ярковъ заявляетъ: „какъ только я выйду на волю, я поставлю себѣ за правило, вмѣню въ обязанность всю свою жизнь бороться съ этимъ общественнымъ зломъ“, — т. е. съ рабочимъ движеніемъ. „Первою и главною моей цѣлью будетъ искорененіе самыхъ вредныхъ личностей, распространяющихъ на русскій народъ свое тлетворное вліяніе“. Проклиная соціалистовъ, авторъ, однако, „мало сожалѣетъ о своей ошибкѣ: она сослужила хорошую службу, была для меня практической школой и вывела на настоящую дорогу“.

Голосъ былъ услышанъ и Петръ Ярковъ носитъ теперь на своемъ лицѣ Каинову печать. Остерегайтесь, московскіе товарищи!

СОБЫТІЯ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

Не трудно было при чтеніи новыхъ беззаконныхъ указовъ Плеве и Николая II, предоставившихъ Бобрикову диктаторскую власть въ Финляндіи, предвидѣть, что оберъ-палачъ немедленно приступитъ къ энергичнымъ мѣропріятіямъ противъ „крамолы“. Нѣсколько дней спустя послѣ опубликованія „высочайшихъ“ рескриптовъ, въ ночь на 9 (22) апрѣля и въ этотъ день въ Финляндіи было произведено нѣсколько неслыханныхъ въ этой странѣ обысковъ и нѣсколькимъ лицамъ приказано въ теченіе семи дней оставить свою родину. Финляндская полиція и русскіе жандармы вели себя при производствѣ обысковъ даже еще грубѣе и наглѣе, чѣмъ ихъ братія обыкновенно дѣйствуетъ въ подобныхъ случаяхъ у насъ. Первыми жертвами царскаго террора пали наиболѣе выдающіеся представители финляндской интеллигенціи — представители шведской и младофенноманской партій.

Въ Финляндіи и въ заграничной прессѣ стало немедленно извѣстно 11 человѣкъ, не понравившихся Бобрикову, 29-го же апрѣля появилось оффиціальное сообщеніе, перечислившее семь лицъ. Пока назовемъ лишь этихъ „агитаторовъ“. Вотъ они: директоръ банка графъ Маннергеймъ, адвокатъ І. Кастренъ, книготорговецъ В. Хагельстамъ, крупный помѣщикъ баронъ М. фонъ-Борнъ, консулъ Е. Вольфъ, фабрикантъ Р. Вольфъ и юристъ А. Фелльманъ. Всѣ эти лица открыто неоднократно протестовали противъ царскихъ преступленій, и теперь они отнесены русскими опричниками, разумѣется, совершенно произвольно къ „кагалу“, ибо такого никогда не существовало въ Финляндіи. Въ слѣдующей статьѣ мы сообщимъ нѣкоторыя интересныя подробности о первыхъ жертвахъ царскаго произвола въ Финляндіи. Повсюду многочисленная публика проводила ихъ съ цвѣтами, пѣніемъ и громкимъ „ура!“ Особенно грандіозными были проводы на Гельсингфорсскомъ вокзалѣ, наполненномъ туземными и русскими сыщиками. Читатель не долженъ понимать выраженіе: „первыя жертвы“ въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ до сихъ поръ въ Финляндіи пострадала такъ или иначе масса лицъ. Эти же финляндскіе граждане изгнаны изъ Финляндіи на основаніи диктаторской власти Бобрикова, тогда какъ раньше многіе лишились мѣстъ, пенсіи и т. п.

Спасеніе Финляндіи теперь мыслимо лишь при сверженіи самодержавія въ Россіи. 17/30 апрѣля.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ
и
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Тверь (Вагоностроительный заводъ Анонимнаго общества).

Плохо идутъ дѣла нашего завода! Выстроили его въ годы грюндерской горячки, оборудовали, пустили въ ходъ, снабдивъ казенными заказами, — но скоро онъ сѣлъ на мель. Сильно задѣлъ его кризисъ, не стало заказовъ. Сильно повредила ему „несчастная случайность“. Осенью 1900 года заводъ сильно пострадалъ отъ пожара. Были даже основанія подозрѣвать поджогъ, т. к. передъ тѣмъ на заводѣ шло броженіе, надвигалась стачка. Отъ пожара пострадалъ, правда, и хозяйскій карманъ, но хуже всего пришлось, конечно, рабочимъ: изъ 3000 слишкомъ чел. было разсчитано болѣе половины, а оставшіеся на своей шкурѣ узнали всю прелесть рѣзко измѣнившихся условій труда.... Среди заводскихъ рабочихъ не мало заволжскихъ и затверецкихъ (такъ наз. часть города) мѣщанъ. Многіе владѣютъ домишками. Есть крестьяне, почти порвавшіе связи съ деревней, есть и такіе, которые каждый праздникъ идутъ домой на побывку. Хоть уровень жизненныхъ потребностей рабочихъ завода, какъ рабочихъ *обученныхъ*, и выше, напр., тверскихъ ткачей, но сила сопротивленія ихъ не велика. Причиной тому, быть можетъ, отчасти разнородность состава рабочаго персонала, отчасти общее угнетенное состояніе. Среди рабочихъ существуетъ даже мнѣніе, что заводская администрація будетъ рада стачкѣ и прикроетъ заводъ, и многія завоеванія, сдѣланныя ими въ тѣ времена, когда заводъ нуждался въ рабочихъ рукахъ, прахомъ пошли... Такъ, прежде по субботамъ работали только до 3 час. Теперь работаютъ до вечерняго свистка. Расцѣнки понизились вдвое-втрое. Штрафы приняли безобразно широкіе размѣры: *штрафуютъ* за 3 минуты опозданія, куренье во дворѣ, *питье чая сидя*. Отношеніе начальства становится все хуже: обходятся съ рабочими грубо, все норовятъ подвести подъ разсчетъ. Особенно скверной славой пользуются мастера *Ренанъ* и *Браке*, заправскіе хозяйскіе холопы. Послѣдній спеціалистъ грабить рабочихъ посредствомъ т. наз. „проработки“. Существуетъ она на заводѣ давно, но Браке ее безспорно усовершенствовалъ.

Состоитъ она въ слѣдующемъ: плата за работу полагается сдѣльная, но для общаго мѣсячнаго заработка существуетъ граница въ формѣ „цеха“, — „цеховой“ платы. Если работы много, то, налегая, рабочій вырабатываетъ „проценты“ — коп. 40-50 на рубль (сверхъ „цеха“), но сполна ему излишка не выдаютъ. Если же работы мало, то, несмотря на всѣ старанія, ему „цеха“ не выработать; недостающая же сумма вычитается изъ процента слѣдующаго мѣсяца.

Былъ такой случай. За недостаткомъ работы одну партію столяровъ зданія Ж. заставили гулять. Другой же партіи изъ 45 чел. дали сдѣльную работу. Было ея такъ мало, что мастеръ убѣдительно просилъ не торопиться. При сдачѣ оказалось, что „цеху“ у рабочихъ 950 руб., а на сдѣльной платѣ они выработали всего 460 руб. Значитъ, оказалось „проработки“ 490 руб.

Затѣмъ, на мѣсто этой партіи вышли гулявшіе столяры. Они получили работы на 1500 руб. Сдали работу и эти столяры. Оказалось, что — по расцѣночной табели — каждый рабочій выработалъ процентовъ коп. 60 на рубль. Но изъ этого излишка ничего рабочимъ не попало; весь онъ пошелъ на покрытіе „проработки“ *другой* партіи. Нагло ограбленные рабочіе пригрозили жалобой фабричному инспектору. Въ отвѣтъ на это уволили 5 человѣкъ. Вытребованный же инспекторъ переговорилъ съ мастеромъ и отказался вступиться за рабочихъ, ибо онъ-де условій заводской работы не знаетъ. Рабочіе обратились въ судъ.

Въ другомъ зданіи рабочіе по обшивкѣ вагоновъ желѣзомъ заработали въ мѣсяцъ 40 коп. на рубль; выдали имъ всего коп. 5-10. Они пошли къ Браке къ претензіей; тотъ нахально увернулся.

Вотъ какіе милые порядки на французскомъ заводѣ!...

Тверь. Мануфактура Берга. О нашей фабрикѣ найдется, что порасказать! много на ней порядковъ, которые всей своей тяжестью давятъ на плечи рабочаго. Вмѣсто законныхъ 11½ часовъ рабочій день тянется 12 час.; паровую пускаютъ утромъ и послѣ обѣда раньше минутъ на семь, а останавливаютъ позже. Если же паровая остановится по какой-нибудь причинѣ, напримѣръ, изъ-за поломки, то приходится отрабатывать за 2 часа въ теченіи полмѣсяца ежедневно минутъ по десяти лишняго. Бываютъ такіе „курьезы“. Во время проѣзда черезъ Тверь наслѣдника фабрику, по распоряженію директора остановили, всѣмъ раб. велѣли пріодѣться и встрѣтить наслѣдника крикомъ „ура“. Прождать рабоч. пришлось часа 2½. — и тотчасъ по проѣздѣ ихъ вызвали свисткомъ на работу. За пропущенное же время директоръ велѣлъ отрабатывать цѣлый мѣсяцъ по 15 мин. ежедневно. Другими словами: за свои патріотическія чувства фабрика взяла съ каждаго рабочаго часа по 7 мин. лишнихъ даровaго труда. — Машины заставляютъ обметать на ходу. Въ случаѣ же увѣчья фабрика не отвѣчаетъ, такъ какъ при поступленіи съ каждаго рабочаго берется росписка, что претензіи на пособіе имѣть не будетъ. Станки стоятъ такъ тѣсно, что даже привычному человѣку надо идти съ опаской. Много увѣчій, гораздо больше, чѣмъ, напримѣръ, на Морозовской фабрикѣ. Извѣстны нѣсколько случаевъ выкидыша беременными работницами, послѣ того какъ ихъ „потрепало“ приводомъ машины. Въ прядильной заставляютъ чистить станки два раза въ недѣлю, не во время работы, а въ обѣдъ. Конечно, ни гроша за это не платятъ.

Основу и утокъ даютъ худой, а бракуютъ очень усердно, либо ставятъ кресты за плохую работу. Тѣмъ, у кого ихъ много, грозитъ немедленный разсчетъ. Зато установлена цѣлая скала премій за усердіе. Введена она теперешнимъ директоромъ. О немъ даже пѣсенка сложена. „Нашъ Василій Яковлевичъ Кукъ произошелъ много наукъ, и сталъ онъ больше понимать, какъ съ рабочихъ шкуру драть“.

Штрафы — безобразные. Пишутся они за малѣйшій пустякъ

и съѣдаютъ порой половину заработка. Часто бываетъ такъ: приходитъ мальчикъ изъ конторы, беретъ книжку и уноситъ для описыванія штрафа — а рабочій даже не можетъ добиться, за что его оштрафовали. Большинству рабочихъ приходится жить въ хозяйскихъ казармахъ. Тамъ рабочіе всецѣло въ рукахъ хожалыхъ, которые чувствуютъ себя господами положенія. Хожалый Григорій дерется и преслѣдуетъ женщинъ. Помощникъ его Василій ходитъ съ плетью и бьетъ рабочихъ. Изъ за одного такого подвига онъ даже подъ судъ попалъ, но директоръ пригрозилъ обычнымъ разсчетомъ — и тѣ помирились съ обидчикомъ. Жить въ хозяйскихъ квартирахъ скверно. Вотъ какъ описываютъ ихъ сами рабочіе: „Каморка — длиной 8 арш., шириной — 5. Окно — одно, глухое, вентилятора нѣтъ; есть какія-то отдушины, которыя не дѣйствуютъ. И въ эту каморку набиваютъ 7-8 человѣкъ съ платой по два рубля въ мѣсяцъ! Воздухъ всегда спертый и душный. Утромъ встаешь совсѣмъ больной. Полъ каменный, сырой, постоянно простужаешься. Продукты, за неимѣніемъ мѣста для храненія, приходится держать въ каморкахъ, отчего тамъ стоитъ зловоніе. Дѣти не переносятъ всего этого и очень мрутъ. Но всего безобразнѣе отношеніе администраціи къ рабочимъ. Брань, побои — заурядное явленіе. Женщинъ страшно преслѣдуютъ съ легкой руки директора Кука, который смотритъ на нихъ, какъ на свой гаремъ. Особенно отличаются по этой части мастеръ Крамптонъ, его помощникъ Дубровскій, хожалый Григорій. — Есть и свои домашніе шпіоны и наушники, въ родѣ конторщика Шанина, подмастерья Гордѣева и друг. Стоитъ отмѣтить еще исторію фабричной библіотеки. Основана она рабочими, на ихъ средства и съ большимъ трудомъ: дирекція долго не разрѣшала ея, пока рабочіе не догадались выбрать Кука попечителемъ. Тогда онъ разрѣшилъ ее, но помѣстилъ гдѣ-то въ подвалѣ. Завѣдуетъ ею Дубровскій и выдаетъ хорошія книги служащимъ, а рабочимъ — всякую дребедень. Да и то не просто, а съ издѣвательствами...

Уровень развитія рабочихъ невысокъ. Подавляющее большинство — женщины. Тѣмъ не менѣе можно указать на кое-какіе успѣхи на аренѣ борьбы съ фабрикантомъ. — Такъ, опасаясь повторенія волненій (смотри № 19 „Искры"), фабрику остановили въ четвергъ, на масляной даютъ отпуски рабочимъ безъ затрудненій. — 24-го декабря былъ распространенъ на фабрикѣ листокъ мѣстнаго комитета: онъ произвелъ нѣкоторую сенсацію. Одновременно былъ распространенъ среди общества бюллетень, въ которомъ были „пропечатаны" фабричные порядки. Послѣ этого наѣзжали санитары и устранили кое-какія изъ болѣе вопіющихъ безобразій. Недавно зашевелились и работницы, ходили къ директору. Тотъ имъ набавилъ по 2 коп. на кусокъ и отмѣнилъ вычеты за баню. — Но настроеніе, по прежнему, напряженное. Показателемъ его можетъ служить фактъ покушенія на Кука. 2 марта рабочій Степанъ Сергѣевичъ Логиновъ, разсчитанный и оскорбленный имъ, ранилъ его выстрѣломъ изъ револьвера. Логиновъ самъ отдался въ руки полиціи. Комитетъ распространилъ по поводу покушенія прокламацію, въ которой вновь указалъ на то, что борьба должна быть *массовой*, чтобы быть успѣшной. Прокламація была хорошо принята рабочими.

Заводы „Никополь" и „Русскій Провидансъ" (близъ г. Маріуполя).

Кризисъ тяжело отозвался и до сихъ поръ даетъ себя чувствовать на нашихъ заводахъ. „Провидансъ" въ маѣ и іюнѣ разсчиталъ до 500 ч. При этомъ разсчетѣ произошла маленькая забастовка листопрокатчиковъ. Имъ предложили проработать 10 дней, а получить за 15. Рабочіе отказались и требовали немедленный разсчетъ съ уплатою за 2 недѣли впередъ. Пріѣхалъ маріупольскій полиціймейстеръ и уговорилъ рабочихъ получить немедленный разсчетъ съ уплатою за 5 дней впередъ. Рабочіе согласились. Въ началѣ 1903 г. нѣкоторыя отдѣленія вновь пущены въ ходъ, но заработная плата понижена. „Никополь" сокращалъ рабочихъ постепенно, въ декабрѣ же закрылъ доменное отдѣленіе и уволилъ до 300 ч., и тогда же рабочіе заволновались, требуя выдачи 2-хъ мѣсяч. жалованія и квартиръ до марта безплатно. Заводоуправленіе отказало и предлагало выдать 2-хъ недѣльную зар. плату. Рабочіе рѣшили послать Плеве телеграмму. Съ телеграммой было очень много хлопотъ. Мѣстная почт. контора отказалась послать ее. Ходили въ городъ и кой какъ послали, но отвѣта на нее не было. Заводоуправленіе забезпокоилось и набавило рабочимъ — безплатный проѣздъ на родину. Изголодавшіеся „доменные" *(большинство сѣрое крестьянство)* согласились и разъѣхались. Вообще рабочихъ *осталось* на нашихъ заводахъ меньше половины. Заработная плата понижена вездѣ, гдѣ меньше, гдѣ больше; такъ напримѣръ: въ листопрокатномъ цехѣ „Никополь" зараб. плата срѣзана уже 4 раза за время (5 лѣтъ) существованія завода, въ механическомъ цехѣ она упала до половины и больше по сравненію съ прежней. Преміи и аккорды понижаются произвольно каждымъ начальникомъ цеха или мастеромъ. Увеличилась напряженность труда: гдѣ раньше было 3, теперь 2 чел. Громадное число рабочихъ объясняетъ кризисъ тѣмъ, что правительство отдало заказы за границу. Общая картина голодной Россіи имъ недоступна. Безработица очень сильно индивидуализируетъ рабочихъ, и, какъ мало культурные люди, они иногда дѣлаютъ подлости, чтобы удержаться на мѣстѣ. Рабочіе „Ник." такъ наз. „муфторѣзы" воруютъ сталь у рабочихъ другого цеха или покупаютъ, какъ и точилки, за свои деньги, и всѣ боятся протестовать противъ такого безобразія, межъ тѣмъ какъ эти „муфторѣзы" наиболѣе интеллигентные и въ 1899 г. они первые заявили забастовку. Благодаря тому обстоятельству, что разсчетныя книжки рабочихъ всегда хранятся въ конторѣ завода — бывали такіе случаи злоупотребленій на „Никополѣ": рабочему заднимъ числомъ проставляютъ разсчетъ и юридически рабочій при требованіи, въ случаѣ немедленнаго разсчета, 2-хъ нед. заработной платы теряетъ возможность доказать свой искъ на судѣ. Рабочій день 10-12 ч. въ сутки, смотря по роду работъ. Никопольскіе „муфторѣзы" благодаря аккордной (сдѣльной) платѣ сами себѣ удлинили рабочій день: на ночной смѣнѣ они вмѣсто нормированныхъ закономъ 10 ч., работаютъ 11-12½ ч. Праздничная работа обязательна на доменныхъ, коксовыхъ печахъ, листопрокатномъ, трубномъ. Въ листопрокатномъ отдѣленіи „Никополя" выходили нѣсколько разъ очень крупныя недоразумѣнія съ заводоуправленіемъ изъ-за праздничныхъ работъ, но дѣло кончилось тѣмъ, что теперь листопрокатчики работаютъ по воскресеніямъ и свыклись съ этимъ. Обращеніе начальства съ рабочими на нашихъ заводахъ сносное, но есть отвратительныя исключенія. Такъ на „Ник." есть начальникъ трубнаго отдѣленія Тиль, страшно грубое животное, не одинъ разъ допускавшій кулачную расправу съ рабочими и однажды чуть не убившій одного рабочаго, ударивъ его ногою въ половые органы. На „Ник." же въ листопрокатномъ отд. мастеръ Мечинскій не пропускаетъ, чтобы кого нибудь не обругать или не оштрафовать. Большинство „Никопольской" администраціи таково, какъ мастеръ механическаго цеха Шишковскій, который мягко стелетъ, да жестко спать. На „Провидансѣ" отличается начальникъ бессемеровскихъ и мартеновскихъ цеховъ Шацманъ, недавно избившій одного десятника за то, что онъ жегъ въ жаровняхъ крупный по его, Шацмана, мнѣнію коксъ. Хорошъ также вицедиректоръ Провиданса Тумановъ, разсчитавшій избитаго десятника и еще 4-хъ рабочихъ, видѣвшихъ, какъ десятникъ защищался отъ побоевъ Шацмана и не помогшихъ ему избить десятника до смерти. Штрафы на нашихъ заводахъ очень значительны, но объявленія о размѣрѣ и движеніи суммъ штрафного капитала не вывѣшиваются. Наши школы неважныя. На „Провидансѣ" учитель Михайловскій бьетъ дѣтей. Библіотеки для рабочихъ до сихъ поръ нѣтъ. На „Ник." за послѣднее время собираются что-то устроить въ этомъ родѣ, но улита ѣдетъ, когда то будетъ. Рабочіе (очень мало) выписываютъ „Бирж. Вѣд.", „Ниву," „Родину" и прочую ерунду. Много читается лубочной литературы. Развлеченій разумныхъ нѣтъ, пьянство развито очень сильно. Несчастные случаи не рѣдкость. Взрывъ домны на „Ник." 9 іюня 1902 г. произошелъ благодаря небрежности администраціи, которая въ союзѣ съ страховыми обществами, гдѣ застрахованы рабочіе, страшно эксплоатируетъ увѣчныхъ рабочихъ; особенно въ этомъ дѣлѣ отличается врачъ Яновскій, прохвостъ 96-ой пробы. Этотъ врачъ снялъ также у „Ник." больницу съ подряда и оказался на высотѣ подрядческаго призванія. Леченіе же больныхъ идетъ спустя рукава; такъ, рабочаго Зміевскаго этотъ эскулапъ, дѣлая операцію, заразилъ дифтиритомъ, отчего тотъ и умеръ.

Врачъ „Провиданса" Медалье тоже очень халатно относится къ своей больницѣ, больше думаетъ о шахматахъ и преферансѣ, чѣмъ о больныхъ. Наряду съ больницами хромаетъ и санитарія: въ выстроенныхъ при заводахъ колоніяхъ, какъ и въ самыхъ заводахъ, отхожія мѣста и выгребныя ямы устроены такъ плохо, что зловоніе, особенно лѣтомъ, заражаетъ весь воздухъ колоніи, буквально нечѣмъ дышать. Грязь въ колоніяхъ, особенно на „Провидансѣ" невылазная. Вода отъ дождей застаивается на улицахъ и гніетъ, распространяя міазмы.

Экономія заводоуправленія „Никоп." доходитъ до того, что въ жаркое лѣтнее время заводскій водовозъ развозитъ воду по квартирамъ рабочихъ только 2 ведра на семейство. Изъ за воды происходятъ цѣлыя сраженія между женщинами.

Плата введена за все: за дрова (17 к. за пудъ щепокъ), за уголь, за квартиры, межъ тѣмъ какъ когда заводы строились, то во многихъ газетахъ всѣ эти вещи въ объявленіяхъ обѣщались рабочимъ безплатно. Коротка, видно, память у заводоуправленія. Нельзя-ли ее немножко встряхнуть, братцы!

Изъ Донецкаго бассейна.

Маріуполь. (Отчетъ „Летучаго Отряда" Соц.-Дем. Союза Горнозаводскихъ рабочихъ). Рабочіе заводовъ „Никополь" и „Провидансъ" настроены очень революціонно. Распространенная въ концѣ марта прокламація № 7 „Какъ шахтеры и заводскіе рабочіе боролись за свою свободу" (въ 1000 экз.), произвела очень хорошее впечатлѣніе, хотя объясненіе формъ политической и экономической борьбы для большинства осталось непонятымъ. Изъ стихотвореній и пѣсенъ, напечатанныхъ въ прокламація, больше всего понравились „Сказка о попѣ и чертѣ" и стих. „Пролетарій", которыя заучивались наизусть. Любопытно отмѣтить одно явленіе: когда прокламаціи разбрасывались по домикамъ рабочихъ, то ихъ жены, обыкновенно поднимающіяся раньше своихъ мужей, подбирали прокламаціи и жгли ихъ. Въ виду этого, мѣстной организаціей рѣшено было распространить прокламаціи по мастерскимъ заводовъ, что и удалось выполнить: — изъ всѣхъ прокламацій попало въ руки полиціи едва 50 штукъ. Въ концѣ прокламаціи № 7 было написано, чтобы рабочіе не давали прокламацій въ контору и полицію. Одинъ мастеръ механическаго цеха приставалъ къ рабочимъ, чтобы они ему дали прочесть; но такъ ему никто и не далъ, хотя они признавались ему, что прокламаціи у нихъ есть.

У рабочихъ, подозрѣваемыхъ въ неблагонадежности, были произведены обыски, но безъ всякаго успѣха для полиціи. Распространять прокламаціи въ самомъ Маріуполѣ теперь почти невозможно, такъ какъ сторожей и полиціи масса на всѣхъ улицахъ и закоулкахъ.

Юзовка. Въ ночь съ 28 на 29 марта была распространена прокламація № 7. Во время разброса полиція захватила двухъ ремесленниковъ Рутуайта и Липкина, прогуливавшихся на рабочей улицѣ и, хотя при нихъ ничего не нашли, ихъ арестовали и отправили въ мѣстную кордергардію. На квартирѣ одного изъ арестованныхъ жилъ какой-то частный повѣренный, у котораго произвели обыскъ и тоже арестовали. Повѣреннаго продержали пять дней и выпустили, такъ какъ ничего компрометирующаго не оказалось, ремесленниковъ же отправили въ Бахмутскую тюрьму. Нахальство полиціи и произволъ не имѣютъ границъ. Арестуютъ и обыскиваютъ вполнѣ благонамѣренныхъ людей: такъ, обыски были у всѣхъ „сіонистовъ", библіотека которыхъ по распоряженію полиціи закрыта. Среди заводскихъ рабочихъ идетъ глухое броженіе.

Рыковскій рудникъ. Въ концѣ марта были распространены прокламаціи (№№ 2 и 4) въ количествѣ 500 штукъ. Шахтеры многаго въ прокламаціяхъ не понимаютъ, но все таки прокламаціи ихъ интересуютъ. На этомъ рудникѣ эксплуатація идетъ во всю. Особенно отличается по части „выжиманія соковъ" изъ рабочихъ нѣкій Леве, архи-прохвостъ 96 пробы.

Макѣевка. Директоръ Генеральнаго Общества Трубопрокат. и сталелитейнаго завода въ Макѣевкѣ обѣщалъ всякому, кто поймаетъ разбрасывателя, 100 руб. за голову, но пока 100 руб. никому не выданы, такъ какъ поймать разбрасывателя довольно мудрено.

Яновскій рудникъ. Здѣсь распространены прокламаціи „Пауки и Мухи" и „Кто наши враги" въ числѣ 500 штукъ. Отношеніе рабочихъ къ прокламаціямъ неопредѣленно.

Волынцево. (Петровскіе заводы.) Въ концѣ марта удалось распространить около 600 экз. „Пауки и Мухи" и „Кто наши враги". Полиція страшно встревожилась, и теперь тамъ военное положеніе. Вечеромъ нельзя поздно ходить по улицѣ, сейчасъ же забираютъ въ кутузку.

Ростовъ н./Д. Изъ изданныхъ Донскимъ Комитомъ двухъ воззваній мы узнаемъ о стачкахъ, начавшихся въ срединѣ апрѣля на двухъ мѣстныхъ фабрикахъ. На бумажной фабрикѣ Панченко рабочіе и работницы потребовали отмѣны воскресныхъ и праздничныхъ работъ, десятичасового рабочаго дня, повышенія заработной платы съ 60 до 80 коп., вѣжливаго обращенія и прекращенія практиковавшагося со стороны фабричной администраціи специфическаго преслѣдованія женщинъ-работницъ. Только на дняхъ приказчикъ Сѣчевой разсчиталъ работницу за отпоръ, данный ею на его приставанія.

Администрація фабрики пыталась прекратить стачку, выславъ на работу персоналъ другой своей фабрики. Воззваніе Комитета убѣждаетъ рабочихъ не измѣнять товарищамъ.

На картонной фабрикѣ Перельмана и Манусевичъ часть рабочихъ забастовала 17-го апрѣля. Стачечники требовали повышенія заработной платы на 20%, десятичасового рабочаго дня для взрослыхъ и девяти часового для дѣтей, прекращенія перевода часовой стрѣлки и опять таки вѣжливаго обращенія. Чѣмъ кончились обѣ стачки, намъ пока не извѣстно.

Петербургъ. Движеніе среди фармацевтовъ.

Послѣ годового слишкомъ перерыва снова мы встрѣчаемся съ признаками движенія среди пролетаріата петербургскихъ аптекъ. Помѣченный январемъ с. г. листокъ, подписанный „СПБ Комитетомъ соціальдемократической организаціи фармацевтовъ", сообщаетъ о возникновеніи этой организаціи и зоветъ товарищей по профессіи поддержать ее. Сверхъ обще-политическихъ требованій соціальдемократіи, Комитетъ намѣчаетъ слѣдующіе пункты профессіональныхъ требованій: 1. Поднятіе уровня общаго и спеціальнаго образованія фармацевтовъ и удешевленіе его. 2. Отмѣна аптечной монополіи. 3. Двухсмѣнная система работъ. 4. Упраздненіе хозяйскаго пансіона и установленіе минимума заработной платы. 5. Нормировка аптечной работы въ смыслѣ установленія количественнаго максимума №№ на каждаго ассистента. 6. Учрежденіе постояннаго третейскаго суда обязательнаго характера съ оффиціальной юрисдикціей и выборными отъ аптекарей и фармацевтовъ-рабочихъ для разбора недоразумѣній между послѣдними и хозяевами. 7. Государственная пенсія для престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду фармацевтовъ и ихъ семействъ.

Комитетъ ставитъ своей цѣлью „созданіе единаго всероссійскаго союза рабочихъ-фармацевтовъ". Онъ констатируетъ полный неуспѣхъ зубатовскихъ попытокъ, выразившихся въ образованіи „Сѣвернаго Общества" фармацевтовъ. Въ маѣ мѣсяцѣ аналогичное воззваніе было издано соціалистической группой фармацевтовъ въ Бѣлостокѣ.

Самара. За нѣсколько дней до Пасхи здѣсь была стачка булочниковъ. Требовали 12 час. рабочаго дня, освобожденія отъ работы по воскресеньямъ и отдѣльныхъ отъ мастерскихъ спаленъ. Стачка прекратилась черезъ два дня при содѣйствіи полиціи, арестовавшей нѣсколькихъ булочниковъ.

Өеодосія (Крымъ). Въ послѣднее время Өеодосія пробудилась отъ своей спячки. На табачной фабрикѣ Стамболи три раза были разбросаны прокламаціи и два раза на улицѣ. На фабрикѣ Стамболи арестовали одного рабочаго. Его обвиняютъ въ распространеніи прокламацій. Полиціймейстръ рветъ на себѣ волосы отъ негодованія. Носятся слухи, что даже керченскія прокламаціи печатаются здѣсь. И вотъ, желая искоренить крамолу съ земли өеодосійской, полиціймейстеръ началъ дѣйствовать. Городъ кишмя-кишитъ шпіонами. Перваго марта представители здѣшней соціаль-демократіи устроили вечеринку, на которой было около 20 рабочихъ. Читали рефораты по поводу событія 1 марта. Цѣлью вечеринки было, главнымъ образомъ, объединеніе имѣющихся силъ интеллигенціи и передовыхъ рабочихъ, для болѣе успѣшной борьбы съ давящимъ насъ гнетомъ. Воодушевленіе было большое, пѣли пѣсни. Все это происходило подъ самымъ носомъ у полиціймейстера. Недавно здѣсь былъ интересный арестъ. Идутъ по улицѣ молодой человѣкъ и дѣвица. За ними во весь духъ скачетъ, поднявъ полы, полиціймейстръ Романовскій и городовой. У памятника Александра III они нагнали ихъ и тутъ-же арестовали. Дѣвицу черезъ нѣсколько часовъ отпустили, а молодой человѣкъ скрылся на слѣдующій день.

Гомель. Если я не ошибаюсь, свѣдѣнія о гомельскомъ движеніи въ первый разъ появляются на страницахъ „Искры". Мнѣ хотѣлось бы, поэтому, познакомить читателей „Искры", хоть въ краткихъ чертахъ, съ исторіей этого движенія, являющагося во многихъ отношеніяхъ типичнымъ для городовъ западнаго края. Какъ и всюду въ „чертѣ осѣдлости", гомельское рабочее движеніе развилось изъ кружковъ для самообразованія, преслѣдовавшихъ первоначально чисто культурныя цѣли. На субботнихъ полулегальныхъ групповыхъ чтеніяхъ Тургенева, Короленко, Мачтета очень скоро выяснилось, насколько воспріимчивъ средній еврейскій ремесленникъ къ революціонной пропагандѣ. Достаточно было появленія одного энергичнаго, беззавѣтно преданнаго дѣлу революціи человѣка, и характеръ субботнихъ собраній совершенно измѣнился, и на нихъ зазвучали совсѣмъ другія рѣчи. Гомельское рабочее движеніе многимъ обязано этому человѣку, и я считаю нелишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Прослуживши нѣкоторое время почтальономъ при гомельской почтовой конторѣ, *Исаакъ Захаринъ* уѣзжаетъ на нѣсколько лѣтъ заграницу, работаетъ слесаремъ на крупныхъ заводахъ Лондона и Нью-Іорка, проникается тамъ ученіемъ соціализма и возвращается на родину съ одной мыслью, для одной цѣли — служить дѣлу соціализма у себя дома. У него мало знанія, онъ не особенно разбирается въ людяхъ, но за то онъ ни о чемъ не думаетъ, кромѣ революціи, ничѣмъ не занимается, кромѣ нея. Благодаря его настойчивости, формируются кружки пропагандистовъ, устраивается нелегальная библіотека, ежемѣсячные сборы, и закипаетъ успѣшная борьба гомельскихъ ремесленниковъ за сокращеніе рабочаго дня до 10 час. Гомельскіе жандармы въ то время (годы 1894-1896) отличались еще первобытной невинностью по части „корней и нитей", и работа велась совершенно открыто. Помню я, какъ на улицѣ передавали другъ другу литературу, какъ на бульварѣ громогласно велись теоретическіе и тактическіе споры. Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, и въ 1896 г. И. Захаринъ очутился въ тюрьмѣ, гдѣ скоро заболѣлъ душевной болѣзнью. Больного его держали въ заключеніи больше года и выпустили совершенно помѣшавшимся. Часто можно встрѣтить теперь на улицахъ Гомеля его печальную фигуру съ блуждающими глазами, съ торопливыми движеніями и безсвязною рѣчью о давнопрошедшихъ тяжелыхъ временахъ, когда еще не всѣ были соціалистами, когда еще существовали тюрьмы и жандармы. Онъ воображаетъ, что коллективистическій строй уже наступилъ. Послѣ ареста Захарина работа не прекратилась. Образовался соц.-дем. комитетъ, вошедшій въ Бундъ. Развились и окрѣпли профессіональныя организаціи и боевыя кассы. Работа велась болѣе экстенсивно, чѣмъ интенсивно. Рабочіе проникались началами солидарности и товарищества, пріучались цѣнить организацію и умѣть защищать ее, подымалось революціонное настроеніе, росъ ихъ энтузіазмъ и жажда борьбы, но дѣлалось очень мало для распространія и укрѣпленія соціалистическаго сознанія.

Чувствовался недостатокъ въ интеллигентныхъ руководителяхъ, въ людяхъ съ интересами теоретическаго и программнаго характера. Этимъ объясняется то обстоятельство, что среди тысячи рабочихъ, въ той или иной мѣрѣ причастныхъ къ движенію, вы насчитаете не болѣе двухъ-трехъ десятковъ людей, имѣющихъ ясное представленіе о соціализмѣ. Здѣсь бывали, напр., такіе курьезы, что въ соц.-дем. комитетѣ участвовали... анархисты. Между прочимъ, нѣкоторое время членомъ гомельскаго комитета былъ Карповичъ (лѣтомъ 1899 года), признававшій въ то время соціальдемократическую программу. За послѣднее время дѣятельность мѣстной организаціи значительно оживилась. Уже болѣе мѣсяца здѣсь работаетъ хорошо поставленная типографія. За мартъ мѣсяцъ ею выпущено до 7.000 прокламацій и листковъ: по поводу 1-го марта, двѣ злободневныя прокламаціи, одна къ крестьянамъ, одна объ убійствѣ провокатора въ Бобруйскѣ, одна къ интеллигенціи и одна по поводу златоустовской бойни. Прокламаціи читаются всюду и вездѣ, въ парикмахерскихъ, въ ресторанахъ, на улицѣ. Полиція рветъ и мечетъ, разыскивая типографію, по улицамъ днемъ и ночью расхаживаютъ патрули солдатъ съ заряженными ружьями, за поднадзорными по пятамъ ходятъ сыщики, люди изъ общества возмущаются „демократами", мѣстные чиноралы изъ судейскихъ не погнушались бы явиться въ роли спасителей отечества и стараются вынюхать мѣстопребываніе типографіи. Особеннымъ усердіемъ отличается въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ бывшій учитель гимназіи, а теперь мировой судья, А. Мельниковъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ препоны и преграды, гомельскіе рабочіе фактически обладаютъ свободой слова и свободой сходокъ. Часто здѣсь устраиваются массовыя собранія до 1.000 человѣкъ, сильно развита партійная дисциплина — достаточно было одной прокламаціи, чтобы болѣе 1.000 человѣкъ бросило работу, выражая свою солидарность съ златоустовскими рабочими. Объ этой политической забастовкѣ, о мѣстномъ обществѣ, о работѣ среди крестьянъ, о настроеніи публики — въ слѣдующій разъ. Ридъ.

Балта. 7 апрѣля. Вчера мы были поражены небывалымъ у насъ зрѣлищемъ, произведшимъ на всѣхъ весьма сильное впечатлѣніе. Въ пятницу на улицѣ былъ арестованъ рабочій (печатникъ) *Ривелисъ* и отвезенъ въ тюрьму, гдѣ онъ и выслушалъ приговоръ (Ривелисъ жилъ прежде въ городѣ Одессѣ, гдѣ былъ арестованъ), по которому его осудили на 4 года Восточной Сибири. Въ воскресенье съ утра по городу распространился слухъ, что Ривелиса увозятъ съ конвоемъ въ 3 ч. дня. Къ этому времени къ мѣстной тюрьмѣ, которая за все время своей жизни не видала въ своихъ стѣнахъ политическихъ преступниковъ, стали стекаться интеллигенты и рабочіе, чтобы еще разъ повидаться съ товарищемъ, выросшимъ вмѣстѣ съ нами и на глазахъ нашихъ отцовъ. Уже во время прощанія Ривелиса съ родными можно было замѣтить волненіе въ толпѣ. Когда старшій конвойный закончилъ свою инструкцію и конвой сдѣлалъ первый шагъ, совершенно неожиданно для всѣхъ насъ раздались крики: „Долой самодержавіе" и „Прощай товарищъ, павшій жертвой царскаго произвола". Эти возгласы были дружно поддержаны громкими криками „ура". На лицахъ всей толпы было написано сочувствіе товарищу. Незначительный составъ полиціи не могъ остановить волненія, и шумъ продолжался около 20 минутъ. Наша импровизированная демонстрація обошлась безъ жертвъ. На другой день мѣстной *группой соціаль-демократовъ* была выпущена прокламація, посвященная товарищу Ривелису. Антиправительственные возгласы и распространенныя сегодня прокламаціи сильно воздѣйствовали въ смыслѣ агитаціи на нашу массу. Буржуазное общество сильно взволновано. Полиція грозитъ выслать изъ города всѣхъ „соціалистовъ".

Мѣст. Паричи Могилев. губ. Съ осени 1902 г. рабочее движеніе захватываетъ и наше глухое мѣстечко. Начинаются стачки ре-

месленныхъ рабочихъ. Первыми стали бастовать портнихи. Въ результатѣ стачечнаго движенія повсемѣстное сокращеніе рабочаго дня до 12 час. (прежде онъ обыкновенно составлялъ 16-18 часовъ, а передъ праздниками и всѣ 24!) и улучшеніе въ обращеніи хозяевъ съ рабочими: въ область прошлаго отошли ругань и побои, царившіе еще недавно.

Сейчасъ же послѣ первой стачки къ намъ пріѣхалъ изъ Бобруйска жандармскій офицеръ въ сопровожденіи тов. прокурора и цѣлой своры жандармовъ. Были обыски, не давшіе ничего для жандармовъ. Тѣмъ не менѣе, 6 интеллигентовъ и 3 работницы были отданы подъ надзоръ. Набѣгъ жандармовъ оказалъ благотворное дѣйствіе: они успѣли возстановить противъ себя и рабочихъ и такъ называемое „общество“.

Вслѣдъ за рабочими зашевелилась домашняя прислуга, рабочій день которой здѣсь, какъ и вездѣ, ничѣмъ не ограниченъ. Въ одно прекрасное утро 25 служанокъ бросили работу и демонстративно прошлись по улицѣ. Ни угрозы, ни слезы(!) хозяекъ не помогали: прислуга требовала, чтобы въ 9 час. вечера она освобождалась отъ работы и чтобы мойка бѣлья не входила въ кругъ ея обязанностей. Черезъ два дня почти всѣ хозяйки сдались, къ остальнымъ былъ примѣненъ особаго рода „терроръ“, сломившій и ихъ сопротивленіе. Этотъ „терроръ“, къ которому раньше прибѣгали и ремесленные рабочіе, заключался въ выбиваніи всѣхъ стеколъ въ домахъ.

Въ праздникъ „Пуримъ“ здѣсь была небольшая демонстрація. По случаю свадьбы рабочаго, на улицѣ собралась толпа, провожавшая новобрачныхъ изъ синагоги. Проходя мимо казенныхъ учрежденій, толпа кричала „долой самодержавіе!“ и т. д. Крики эти испугали земскаго начальника, который бросился стремглавъ въ свой домъ и забаррикадировался. Полиція въ тревогѣ и требуетъ присылки казаковъ(!!) — Нужда въ литературѣ во всемъ нашемъ районѣ невообразимая. Каждая брошюра берется прямо съ бою. — 30-го апрѣля здѣсь на собраніи читался рефератъ о программѣ соціальдемократіи, о развитіи революціоннаго движенія въ Россіи, объ аграрной программѣ соц.-рев. и о террорѣ.

Одесса. Въ апрѣлѣ здѣсь забастовали гладильщики — 150 человѣкъ. Требовали увеличенія поштучной платы. Нѣкоторые хозяева сдались. Рабочіе стойко и сознательно отстаивали свои требованія.

Изъ Златоуста. Списокъ здѣшнихъ шпіоновъ: 1. Андрей Ѳедоровъ Жижинъ, 2. Китовъ (переодѣтый жандармъ), русый, 42 л., покупаетъ старое желѣзо, 3. Алексѣй Евг. Щергинъ (переодѣтый жандармъ). 4. Степанъ Лукашевъ, мастеръ. 5. Вас. Рябовъ, 6. Ник. Стариковъ, 7. Дмитрій Рябовъ, полиров. мастерск., 8. Ивановъ, инструмент. мастерск., 9. Вас. Середонинъ. 10. Пав. Прохоровъ, столярн. маст.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА ВЪ ГОЛЛАНДІИ.

(Окончаніе).

Мы уже упоминали, что правительство своими мѣрами недвусмысленно давало понять рабочему классу, что оно готовитъ ему жестокій ударъ. Въ виду этого соц.-демокр. депутатъ Трельстра внесъ 1-го марта въ палату запросъ по поводу общаго положенія дѣлъ. Запросъ былъ составленъ въ очень умѣренныхъ выраженіяхъ. Трельстра просилъ правительство отложить обсужденіе законопроектовъ противъ стачекъ до того момента, когда станутъ извѣстными результаты разслѣдованія, о которомъ упоминалось въ правительственныхъ же проектахъ (разслѣдованіе должно было коснуться условій труда желѣзнодорожнаго персонала).

Однако министръ отказался идти на уступки. Правительство во что бы то ни стало рѣшило отнять у желѣзнодорожныхъ рабочихъ ихъ права еще прежде, чѣмъ будутъ надлежащимъ образомъ разслѣдованы ихъ жалобы.

Оставалась надежда на то, что, обсужденіе предложенныхъ правительствомъ законопроектовъ будетъ отложено хоть до послѣ пасхи. Въ этомъ случаѣ агитація и давленіе со стороны организованнаго пролетаріата могли бы, можетъ быть, вынудить у правительства дальнѣйшія уступки; съ другой стороны, значительно улеглась бы буря возмущенія среди господствующихъ классовъ, которые, находясь въ болѣе спокойномъ состояніи духа, согласились бы отложить обсужденіе дополнительныхъ статей уголовнаго кодекса до появленія въ свѣтъ результатовъ разслѣдованія. До конца марта никто не думалъ, чтобы обсужденіе новыхъ проектовъ могло начаться раньше пасхальныхъ каникулъ, т. е. раньше начала мая.

Что же случилось? Въ концѣ марта внесены были правительственные законопроекты въ измѣненномъ видѣ. Либералы немедленно отшатнулись отъ общей оппозиціи. Вся ихъ пресса разразилась восторженными гимнами въ честь клерикальнаго правительства, которое было настолько разумно, что послушалось совѣтовъ либеральной партіи и нѣсколько смягчило „кары“, назначенныя за стачку на желѣзныхъ дорогахъ (вмѣсто 6 лѣтъ — 4). Все лицемѣріе либеральной оппозиціи ярко сказалось въ этой внезапной перемѣнѣ фронта. Министръ-президентъ Кійперъ, конечно, не замедлилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и рѣшилъ ковать желѣзо, пока горячо. Когда 1-го апрѣля палата вновь собралась, то ей было заявлено, что публичное обсужденіе „каторжныхъ законовъ“ начнется уже въ ближайшіе дни. Такая поспѣшность нарушала обычный порядокъ обсужденія всякихъ новыхъ проектовъ и законовъ. Оппозиція нашихъ товарищей не имѣла никакого результата. Они и часть демократовъ вотировали противъ предложенія правительства, но подавляющее большинство палаты было за него. Коварная тактика правительства теперь стала всѣмъ ясна. Оно рѣшило дать улечься первой бурѣ народнаго возмущенія и показать видъ, что оно яко бы не намѣрено такъ ужъ торопиться со своими проектами, какъ это предполагали рабочіе. И вотъ, въ тотъ моментъ, когда агитація нѣсколько ослабѣла, оно стремительно, какъ хищное животное, ринулось на свою добычу, увѣренное въ побѣдѣ. Въ четвергъ, 2-го апрѣля, представители организацій и ферейновъ, примкнувшихъ къ Комитету обороны, снова собрались для обсужденія положенія дѣлъ. Пораженіе было почти неминуемо. Обсужденіе законовъ уже началось и въ нѣсколько дней могло окончиться. Передъ рабочими стоялъ выборъ: или ограничиться борьбой въ парламентѣ и передать руководство ею соц.-дем. депутатамъ, или же избрать путь внѣпарламентской борьбы, т. е. вступить во всеобщую стачку. Комитетъ обороны рѣшилъ прибѣгнуть къ стачкѣ. Противъ стачки былъ товарищъ Ондегестъ, предсѣдатель союза желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Онъ указывалъ на серьезныя послѣдствія и большія жертвы, которыя могла за собою повлечь стачка. Правда, онъ самъ два мѣсяца тому назадъ издалъ знаменитое воззваніе къ членамъ своего Союза съ призывомъ ко всеобщей стачкѣ, но положеніе дѣлъ съ тѣхъ поръ значительно измѣнилось. Желѣзнодорожныя общества приняли свои мѣры, организовали союзы изъ штрейкбрехеровъ, создали изъ „благонамѣренныхъ элементовъ“ цѣлые кадры, которые обязались никогда не бастовать; съ другой же стороны обѣщаніемъ различныхъ личныхъ преимуществъ, наградъ, повышеній и т. п. они лишили профессіональный союзъ извѣстнаго контингента членовъ, — конечно, изъ числа болѣе нерѣшительныхъ, слабыхъ или просто эгоистичныхъ. Въ то же время христіанскіе союзы пошли на встрѣчу этимъ стремленіямъ желѣзнодорожныхъ обществъ и стали пополнять свои ряды всякимъ сбродомъ.

Поведеніе христіанскихъ союзовъ во всей разыгравшейся борьбѣ является однимъ изъ самыхъ печальныхъ эпизодовъ ея. За немногими исключеніями эти своеобразные „христіане“ являлись форменными предателями своихъ борющихся товарищей и съ чисто собачьей преданностью къ своимъ правящимъ единовѣрцамъ объявляли себя за „каторжные законы“.

Съ другой стороны, желѣзнодорожныя общества могли разсчитывать на поддержку правительства. Вооруженная сила была готова по первому знаку занять всѣ пассажирскіе и грузовые вокзалы, всѣ переходы черезъ рельсы и затруднить такимъ обр. всякія сношенія между бастующими и небастующими рабочими (что фактически и случилось въ первый день стачки).

Всѣ эти явленія, конечно, не остались безъ вліянія на союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ: число членовъ его, правда, уменьшилось не очень значительно, но боевой духъ его сильно упалъ. Часть членовъ была запугана абсолютнымъ запрещеніемъ оставлять свои жилища, нѣкоторые были вовсе смѣщены, другіе переведены на низшія должности, въ то время какъ членамъ христіанскихъ ферейновъ оказывалось всякое покровительство и пропаганда ихъ всячески поощрялась.

На собраніи 2-го апрѣля заявленія Ондегеста, представителя соц.-дем. въ Комитетѣ обороны, оспаривались другими членами Комитета, которые смотрѣли болѣе оптимистически на положеніе вещей и хотѣли во что бы то ни стало провести стачку, что имъ и удалось. Рѣшено было сначала объявить стачку только желѣзнодорожныхъ и портовыхъ рабочихъ.

Рѣшеніе пока должно было остаться тайнымъ, начало же стачки пріурочили къ 5 апрѣля. Въ ночь съ 4-го на 5-ое оказалось, однако, что власти были предупреждены. Въ первый же день стачки выяснилось, что настроеніе среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ было уже не то, что 3-го января. Амстердамъ, на который всѣ, въ томъ числѣ и Ондегестъ, особенно разсчитывали, выставилъ довольно много охотниковъ продолжать работу. Сообщеніе, правда, было затруднено, но оно не прервалось совершенно. И именно это обстоятельство, что изъ Амстердама продолжали отходить поѣзда по различнымъ направленіямъ, сильно обезкуражило рабочихъ, занятыхъ въ другихъ пунктахъ сообщенія, какъ Гаарлемъ, Гаага, Роттердамъ, Утрехтъ, гдѣ стачка была почти всеобщей. На второй день стачка разрослась, и на сѣверѣ и востокѣ положеніе было въ этомъ отношеніи довольно хорошее. На югѣ, гдѣ преобладаетъ католическое населеніе, бастовали лишь въ отдѣльныхъ мѣстахъ. Бѣда была еще въ томъ, что среди машинистовъ стачка далеко не была столь общей, какъ ждали; между тѣмъ, очевидно, что именно ихъ участіе имѣло бы рѣшающее значеніе, разъ стачкой имѣлось въ виду прервать всякое сообщеніе въ странѣ. Далѣе желѣзнодорожныя общества немедленно послали всѣмъ забастовщикамъ на домъ извѣщенія объ увольненіи ихъ, что произвело удручающее дѣйствіе на женъ рабочихъ. Среди рабочихъ оказалось довольно много измѣнниковъ общему дѣлу. Студенты и инженеры предлагали свои услуги также въ качествѣ рабочихъ. Правительство дало въ распоряженіе желѣзнодорожныхъ обществъ своихъ солдатъ не только для цѣлей охраны, но и для желѣзнодорожной службы, такъ что, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, но движеніе поѣздовъ шло по прежнему. Сношенія между стачечниками различныхъ мѣстъ были очень недостаточны, хотя и было организовано сообщеніе путемъ велосипедовъ. Стачечники рѣшили не прибѣгать къ услугамъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, на которыхъ заняты были штрейкбрехеры, а телеграфамъ они не особенно довѣряли. Руководящій комитетъ былъ плохо освѣдомленъ о положеніи дѣлъ внѣ Амстердама. Стачка портовыхъ рабочихъ повела въ Амстердамѣ ко всякаго рода замѣшательствамъ въ портовомъ дѣлѣ, и слѣдствіемъ ея было то, что всѣ занятые въ порту рабочіе (до 4000) были просто выброшены предпринимателями на мостовую.

Стачка солидарности, въ которую вступили портовые рабочіе Роттердама, приняла совершенно неожиданные размѣры, и этотъ фактъ является несомнѣнно однимъ изъ главныхъ моментовъ въ исторіи этой борьбы.

Въ среду, 8 апрѣля, было очевидно, что палата въ четвергъ закончитъ пренія по поводу проектовъ. Въ дебатахъ участвовали лишь одни соціаль-демократы; послѣдніе не пожелали, однако, прибѣгнуть къ обструкціи, такъ какъ стачка была слишкомъ слаба и не могла произвести соотвѣтствующаго давленія на парламентъ. Чтобы помочь желѣзнодорожнымъ рабочимъ и скрыть слабость ихъ стачки, Комитетъ обороны рѣшилъ объявить въ среду днемъ генеральную стачку во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Въ Амстердамѣ забастовали рабочіе по алмазу (наилучше организованные во всей Голландіи) и строительные рабочіе. Общей стачки пекарей и типографовъ не удалось устроить. Изъ рабочихъ, занятыхъ въ городскихъ предпріятіяхъ, только отдѣльныя категоріи (газовые рабочіе и рабочіе по очисткѣ города) бросили работу. Внѣ Амстердама стачка охватила лишь отдѣльныя отрасли производства въ крупныхъ городахъ (строительное дѣло, обработка металловъ, типографское дѣло). Забастовка въ нихъ была либо общей, либо частичной. Нѣтъ сомнѣнія, что на слѣдующій день, 10 апрѣля, стачка получила бы большее распространеніе. Но въ четвергъ днемъ законъ былъ уже принятъ во второй палатѣ, въ пятницу онъ поступилъ на разсмотрѣніе первой палаты, въ субботу онъ былъ бы уже распубликованъ въ „Государственномъ Указателѣ“ и, такимъ образомъ, вступилъ бы немедленно въ законную силу. Стачка желѣзнодорожныхъ рабочихъ должна была быть къ субботѣ закончена, иначе всѣмъ ея участникамъ, всѣмъ стачечникамъ, всѣмъ членамъ центральнаго и мѣстныхъ комитетовъ, всѣмъ тѣмъ, кто говорилъ или писалъ для движенія, грозило долголѣтнее заключеніе въ тюрьмѣ. Въ виду этого комитетъ въ ночь съ 9 на 10 рѣшилъ отмѣнить всеобщую стачку, направленную противъ новаго закона. Въ пятницу утромъ это рѣшеніе было предано гласности и, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочіе отказались было вначалѣ прекратить забастовку, но въ концѣ концовъ все движеніе къ пасхѣ прекратилось.

Центральный комитетъ голландской соціальной демократіи опубликовалъ 21 апрѣля воззваніе ко всему интернаціональному пролетаріату съ просьбой о поддержкѣ забастовщиковъ. Въ этомъ воззваніи сказано слѣдующее: Если бы весь рабочій классъ имѣлъ избирательное право, если-бы онъ получилъ политическое воспитаніе, употребляя это право, какъ оружіе въ политической борьбѣ, если-бы далѣе, между рабочимъ классомъ въ цѣломъ и соціальдемократической фракціей существовала тѣсная связь, то очень вѣроятно, что можно было-бы избѣжать этой отчаянной борьбы внѣ парламента. Отвѣтственность за эту борьбу падаетъ раньше всего на господствующіе классы, которые держатъ все еще большую часть рабочихъ въ положеніи политически безгласныхъ и такимъ образомъ потворствуютъ разнымъ анархическимъ и бунтарскимъ склонностямъ въ рабочемъ движеніи. Далѣе отвѣтственность за происшедшее лежитъ на нынѣшнемъ реакціонномъ правительствѣ и буржуазныхъ партіяхъ, которыя пожелали какъ можно успѣшнѣе провести свой каторжный законъ и поставили передъ рабочими дилемму, либо совершить актъ отчаянія, либо позволить поработить себя безъ протеста. Голландскіе рабочіе вступили въ борьбу безъ достаточной профессіональной организаціи и политическаго воспитанія, но они боролись героически. Теперь вся буржуазія упивается бѣшенными восторгами власти и только и думаетъ о мести организованному пролетаріату. Дирекція желѣзныхъ дорогъ временно разсчитала 1600 чел., и во всѣхъ тѣхъ производствахъ, гдѣ происходила забастовка, насчитываются многочисленныя жертвы: рабочіе лишаются куска хлѣба за свой гражданскій протестъ противъ порабощенія. Нищета велика, и голландскіе рабочіе одни не могутъ оказать достаточной поддержки своимъ пострадавшимъ товарищамъ. Въ этой нуждѣ мы обращаемся, къ вамъ, товарищи, съ просьбой откликнуться. Голландская соц.-дем. въ этой борьбѣ шла рука объ руку съ профессіональными союзами и она ихъ теперь не оставитъ на произволъ судьбы. Правда, рабочіе совершали ошибки; они вступили въ борьбу слабо вооруженные; средства, употребленныя ими, не соотвѣтствовали ихъ фактической силѣ; но они доказали съ очевидностью, что лучшія добродѣтели пролетаріата —боевой духъ и гордость, присущи имъ. Подумайте надъ тѣмъ, что наша борьба интернаціональна и что мужественное сопротивленіе одной части пролетаріата удержитъ, можетъ быть, капиталистическій классъ въ вашей собственной странѣ отъ нападенія на права рабочихъ. Помогите намъ, чтобы мы могли поддержать наши жертвы и съ новымъ мужествомъ и новой вѣрой въ свое дѣло приняться за организаціонную работу. Несомнѣнно, что пораженіе голландскаго пролетаріата можно было раньше предвидѣть. Слишкомъ слабымъ и разрозненнымъ ринулся онъ въ бой; часть рабочихъ, находясь подъ вліяніемъ духовенства, совершила гнусную измѣну по отношенію къ своимъ братьямъ, но движеніе въ цѣломъ имѣетъ свою поучительную сторону. Долгіе годы общественная жизнь въ Голландіи была какъ въ туманѣ и когда соц.-демократы проповѣдовали истины соціализма, то противники называли ихъ „догматиками“, чуждыми пониманія дѣйствительности. Даже рабочіе сомнѣвались. Благодаря внезапной вспышкѣ классовой борьбы, все, что было скрыто втеченіе ряда лѣтъ, ярко выступило наружу, и въ томъ пожарѣ, который уничтожилъ часть нидерландскихъ союзовъ, ясно обрисовались силуэты рабочаго класса и буржуазіи. Мы увидѣли, что рабочій классъ гораздо слабѣе, чѣмъ онъ самъ о себѣ думаетъ, въ упоеніи только что одержанной славной побѣды; но мы замѣтили и его мужество и его непреклонную готовность отстаивать свои права. Нынѣ рабочій классъ видитъ самого себя въ настоящемъ свѣтѣ и знаетъ, чего ему не достаетъ. Профессіональное движеніе должно теперь отказаться отъ преувеличенной оцѣнки своей силы и направить всѣ усилія на организаціонную работу. Мы видѣли и буржуазію и буржуазное государство въ ихъ истинномъ видѣ. Мы видѣли, что правительство прибѣгло къ грубой силѣ, чтобы провести реакціонные законы, и было поддержано всѣми партіями въ этомъ благородномъ дѣлѣ. Мы видѣли, какъ „національное“ правительство демократическаго государства давало обществамъ своихъ солдатъ не только для охраны желѣзныхъ дорогъ, но и для замѣны стачечниковъ, и эти солдаты оставались на мѣстахъ разсчитанныхъ, выброшенныхъ за стачку рабочихъ еще цѣлыя недѣли послѣ окончанія стачки. Мы видѣли, какъ буржуазная пресса старалась выставить мужественныхъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, какъ самыхъ худшихъ злодѣевъ и какъ либеральные и христіанскіе листки подстрекали желѣзнодорожныя общества не давать никому пощады. Они, страшно сказать, находили законъ еще не достаточно суровымъ, а четыре года тюрьмы слишкимъ мягкимъ наказаніемъ. Они желали виновныхъ и ихъ семей наказать перспективой голодной смерти или ссылкой въ Остъ-Индію для отбыванія тамъ принудительной военной службы. Мы видѣли капиталъ во всей его холодной жестокости, его мнимое христіанство въ отвратительной наготѣ. Государство представилось намъ могучимъ орудіемъ закабаленія рабочаго класса, подавленія въ немъ стремленія къ смертному грѣху „покушенія на дивиденды капиталистовъ“.

Правительство и буржуазія дали нидерландской соц.-демокр. громадный матеріалъ для пропаганды, и нужно думать, что она сумѣетъ его использовать въ цѣляхъ привлеченія всего пролетаріата Голландіи въ ряды революціонной соціальдемократіи.

ПЕРВОЕ МАЯ ВЪ ФУРМИ.

1-го мая 1891 г., согласно постановленію международнаго конгреса 1889 г., французскій пролетаріатъ вторично праздновалъ первомайскій праздникъ.

Стоявшее во главѣ Франціи такъ называемое „Министерство республиканской охраны“ г. Констана мобилизовало всѣ свои полицейскія и военныя силы противъ мирныхъ манифестантовъ. По всей Франціи подверглись манифестанты нападенію дикихъ ордъ, въ Ліонѣ и Марсели произошли довольно крупныя схватки, но событіе, отмѣтившее 1891 г. кровавымъ пятномъ на страницахъ исторіи третьей республики это — избіеніе рабочихъ въ Фурми, гдѣ девять мертвыхъ и нѣсколько десятковъ раненыхъ пали подъ ничѣмъ не вызванными выстрѣлами республиканской арміи.*)

3 мая того-же года, надъ общей могилой девяти погибшихъ товарищей, рабочіе Фурми поклялись никогда не забыть той крови, которая навсегда отдѣлила ихъ отъ буржуазіи, и до сихъ поръ они вѣрны этой клятвѣ.

Репрессіи, однако, не ограничились однимъ кровопролитіемъ. Министерство „Республиканской охраны“ рѣшило судомъ преслѣдовать наиболѣе энергичныхъ агитаторовъ, и буржуазное правосудіе присудило нѣкоторыхъ изъ нихъ, — въ томъ числѣ и одного изъ первыхъ французскихъ соціальдемократовъ, зятя Маркса, Лафарга, — къ году тюрьмы. Урокъ, данный такимъ образомъ французскимъ рабочимъ, не прошелъ для нихъ даромъ, но принесъ совершенно другіе плоды, чѣмъ ожидалъ, вѣроятно, г. Констанъ. Въ 1892 г., при общихъ выборахъ въ палату депутатовъ, рабочіе Фурми выбрали своимъ представителемъ сидѣвшаго тогда еще въ тюрьмѣ Лафарга, а еще черезъ нѣсколько лѣтъ они завоевали муниципалитетъ своего городка, который до тѣхъ поръ былъ въ рукахъ патроновъ.

Съ первыхъ же дней своей дѣятельности соціалистическій муниципалитетъ постановилъ воздвигнуть памятникъ на общей могилѣ девяти жертвъ 1-го мая 1891 г. и, въ виду крайней незначительности своего бюджета (въ Фурми насчитывалось въ 1891 г. около 16.000 жителей, а теперь всего около 13.000 жителей), рѣшилъ открыть публичный сборъ среди французскаго пролетаріата. Понимая, что этотъ памятникъ будетъ вѣчнымъ укоромъ, memento mori буржуазіи, и что онъ постоянно будетъ напоминать пролетаріату объ его революціонномъ долгѣ, — правительство поспѣшило запретить эту подписку, и муниципалитетъ былъ предоставленъ своимъ собственнымъ маленькимъ силамъ.

И вотъ въ началѣ апрѣля этого года французская соціалистическая партія (объединенные гедисты и бланкисты) обратилась къ соціалистическимъ партіямъ всѣхъ странъ съ предложеніемъ прислать делегатовъ на открытіе этого памятника.

Соціалисты всѣхъ странъ откликнулись на это приглашеніе. Германскіе, американскіе, англійскіе, польскіе, испанскіе, италіанскіе соціальдемократы. Союзъ русскихъ соціальдемократовъ прислали адреса, Заграничная Лига Русс. Рев. Соціальдемократіи, бельгійская рабочая партія, Партія соц.-рев. прислали делегатовъ.

Въ субботу, 2-го мая, наканунѣ манифестаціи, состоялся митингъ, на которомъ присутствовало около полторы тысячи рабочихъ. За часъ до начала маленькій мѣстный театръ былъ переполненъ, густая толпа не нашедшихъ уже мѣста заняла площадь. Полиція отсутствуетъ, и порядокъ въ этой толпѣ образцовый. Стройные мощные звуки „Интернаціонала“, дружные возгласы „да здравствуетъ соціальная революція“ одни нарушаютъ тишину всегда столь спокойнаго городка и заставляютъ запоздавшихъ нѣсколькихъ делегатовъ прибавить шагу.

Появленіе ихъ на трибунѣ встрѣчается громомъ рукоплесканій, но совершенно невозможно описать восторженный пріемъ, сдѣланный красному знамени Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи, которое привезъ и внесъ на трибуну делегатъ Заг. Лиги Русской Революціонной Соціальдемократіи.

Говорило на этомъ митингѣ около пятнадцати ораторовъ.

Делегатъ Лиги, Рема, принесъ французскому пролетаріату привѣтъ русскаго рабочаго класса, который борется съ самодержавіемъ, чтобы, свергнувъ его, ринуться въ послѣдній бой съ буржуазіей. „Когда россійское самодержавіе — этотъ спинной хребетъ европейской реакціи — падетъ подъ мощнымъ ударомъ рабочаго класса, Европа увидитъ стройную армію русскаго организованнаго пролетаріата, готоваго пойти подъ краснымъ знаменемъ Россійской Соціальдемократіи, развѣвающимся на этой трибунѣ рядомъ со знаменемъ Французской Соціалистической Партіи, на рѣшительный штурмъ буржуазнаго общества.“

Но что придаетъ этому митингу и всей манифестаціи ихъ крупное значеніе, это не рѣчи, не слова, произносившіяся съ трибуны, — это та глубокая сознательность, организованность и дисциплинированность, которыя проявила рабочая масса. Трибуна и зала слились въ одномъ общемъ чувствѣ. Каждое слово, произносившееся съ трибуны, было точнымъ выраженіемъ мысли $1\frac{1}{2}$ тысячной толпы, втеченіе нѣсколькихъ часовъ съ одинаковымъ вниманіемъ и полной сознательностью выслушивавшей всѣхъ ораторовъ. Корректность толпы проявилась въ особенности —

*) Характерная особенность: офицеръ, приказавшій стрѣлять (капитанъ Шапю), получилъ орденъ при министерствѣ Вальдекъ-Руссо-Мильеранъ!

какъ на этомъ митингѣ, такъ и во время манифестаціи на кладбищѣ въ ея отношеніи къ безтактнымъ и неумѣстнымъ выходкамъ мэра Кузенъ-Корбьера, бывшаго члена партіи, отошедшаго къ „реформистамъ“. Въ двухъ своихъ довольно пространныхъ рѣчахъ г. Кузенъ-Корбьеръ пытался доказать, что, и уйдя въ ряды оппортюнизма, онъ остался искреннимъ соціалистомъ, и что во всемъ виноваты „сектанты“, не пошедшіе за нимъ по пути „сотрудничества классовъ“. Презрительное молчаніе толпы, давшей ему говорить, ни разу не прервавъ его, не поддавшейся ни на одну изъ его провокаціонныхъ выходокъ, было ему должнымъ отвѣтомъ.

На второй день съ утра начали съѣзжаться делегаты, такъ какъ многіе изъ нихъ, какъ, напр., Лафаргъ, Вальянъ и др., смогли пріѣхать лишь въ самый день манифестаціи. Въ три часа кортежъ двинулся изъ центра города и, пройдя по главнымъ улицамъ, направился къ кладбищу. Впереди несли вѣнки, за которыми слѣдовали делегаты иностранныхъ соціалистическихъ партій и провинціальныхъ федерацій.

За развернутыми красными знаменами областныхъ федераціи и Р. С.-Д. Р. П. шла густая толпа мѣстныхъ и пріѣхавшихъ изъ окрестностей членовъ партіи и манифестантовъ. Въ числѣ делегатовъ обращали на себя вниманіе рядомъ съ Лафаргомъ депутаты Вальянъ, Делори, Констанъ и Дюфуръ, нѣсколько мэровъ и муниципальныхъ совѣтниковъ со своими шарфами, а также старикъ Блондо, дочь котораго, молодая дѣвушка, была одной изъ жертвъ первомайскаго избіенія 1891 года.

Улицы полны народа, члены партіи узнаются по металлическому жетону, который блеститъ почти во всѣхъ петличкахъ. Полиціи такъ же мало, какъ и наканунѣ, но у воротъ города стоитъ 145-ый пѣхотный полкъ (тотъ самый, который такъ мѣтко стрѣлялъ въ рабочихъ Фурми въ 1891 г.), приведенный сюда подъ предлогомъ маневровъ и цѣлая бригада жандармовъ, а на телеграфѣ всю ночь дежурилъ чиновникъ, чтобы передавать возможныя приказанія коммисара.

Маленькое кладбище было запружено народомъ, такъ что делегатамъ пришлось энергично дѣйствовать локтями, чтобы добраться до трибуны, воздвигнутой рядомъ съ памятникомъ. Памятника въ собственномъ смыслѣ слова нѣтъ: скромныхъ средствъ муниципалитета хватило только на то, чтобы надъ общей могилой павшихъ товарищей устроить небольшой палисадникъ съ металлической оградой и поставить двѣ мраморныхъ доски, которыя сохранятъ память о кровавомъ событіи и не дадутъ умереть именамъ жертвъ, покоящихся въ братской могилѣ.

Перечислить всѣ рѣчи нѣтъ возможности. Ораторовъ было около 20 человѣкъ. Общее содержаніе всѣхъ рѣчей сводится къ указанію на огромное политическое значеніе этой манифестаціи, которая не такъ имѣетъ цѣлью почтить память павшихъ въ бою товарищей, какъ лишній разъ подчеркнуть непримиримость международнаго пролетаріата съ существующимъ буржуазнымъ строемъ и его боевую готовность.

Послѣ рѣчей, по предложенію Делори, мэра гор. Лилля, секретаря сѣверной федераціи партіи, присутствовавшіе въ молчаніи разошлись, и стоящимъ на готовѣ полицейскимъ и военнымъ силамъ не пришлось на этотъ разъ проявить на дѣлѣ свою ненависть къ освободительному рабочему движенію.

Цѣль манифестаціи была достигнута. Около семи тысячъ человѣкъ присутствовало на кладбищѣ, было прислано около пятидесяти делегатовъ, представлявшихъ 12 областныхъ федераціи и 20 муниципалитетовъ. Адресами и делегатами были представлены 21 федерація и болѣе 20 муниципалитетовъ. Къ этому надо еще прибавить нѣсколько синдикатовъ, кооперативныхъ товариществъ и цѣлый рядъ отдѣльныхъ, входящихъ въ составъ партіи, группъ. Вся буржуазная пресса, обыкновенно систематически замалчивающая всѣ проявленія растущаго самосознанія французскаго рабочаго класса и его организаціи, отмѣтила манифестацію 3-го мая. Французская соціалистическая партія заставила заговорить о себѣ. Что же касается „реформистовъ“, то они по этому поводу показали, какъ имъ дорого и важно рабочее движеніе само по себѣ, а не поскольку оно приноситъ имъ личныя выгоды: изъ всей парижской прессы „La petite république“, органъ Жореса и Мильерана, была единственной газетой, не сказавшей ни слова о грандіозной манифестаціи пролетаріата въ Фурми. Въ ней появилось лишь краткое замѣчаніе о томъ, что „*при открытіи памятника жертвамъ избіенія 1891 г. въ Фурми мэръ Корбьеръ произнесъ блестящую соціалистическую рѣчь*“!

Намъ же манифестація Фурми должна лишній разъ доказать, что неправы тѣ, которые утверждаютъ, будто французы „органически неспособны къ организаціи“. Очистившись отъ пришедшихъ было къ ней чуждыхъ ей элементовъ, партія французскаго пролетаріата стала тѣмъ лишь сильнѣе, выдержанность ея классоваго характера отъ этого только выиграла. Лучшимъ доказательствомъ ея роста и сознательности организованнаго ею пролетаріата служитъ тотъ фактъ, что ни г. Кузенъ-Корбьеръ въ Фурми, ни г. Карретъ въ Рубэ, ни даже такой видный и популярный дѣятель, какъ бывшій депутатъ Зеваэсъ въ Греноблѣ, отошедшіе за послѣдніе годы отъ французской рабочей партіи, никого не увлекли за собой. Партія Геда, Лафарга и Вальяна, объединившая французскій пролетаріатъ вокругъ знамени революціоннаго марксизма, медленно, но увѣренно растетъ и составляетъ надежный оплотъ соціальной революціи во Франціи.

ИЗЪ ПАРТІИ.

Ко всѣмъ Россійскимъ Соціаль-Демократическимъ организаціямъ.

Товарищи! Условія политической борьбы чрезвычайно усложнились. Мѣстныя организаціи часто не въ силахъ справиться съ задачами, предъявляемыми ходомъ событій. Объединеніе всѣхъ революціонныхъ соціальдемократическихъ организацій въ единую централизованную Партію — насущнѣйшая задача настоящаго момента. „Организаціонный Комитетъ“ Р. С.-Д. Р. П. въ Россіи и за-границей взялъ на себя иниціативу этого объединенія. Общепартійный Съѣздъ — дѣло не особенно отдаленнаго момента. Въ виду этого особенно важно, чтобы всѣ революціонныя соц.-дем. группы выяснили свои взгляды на программу и задачи Партіи, опредѣлили свое отношеніе къ существующимъ въ революціонной средѣ теченіямъ. Соціаль-Демократическій Союзъ Горно-Заводскихъ Рабочихъ съ своей стороны полагаетъ, что за послѣдніе 2 года направленіе, представленное „Искрой“ (и „Зарею“), по праву завоевало себѣ въ соц.-дем. кругахъ доминирующее положеніе. Изъ всѣхъ революціонныхъ соц.-дем. органовъ „Искра“ наиболѣе полно и ярко сформулировала главныя задачи Россійской Соціаль-Демократіи и ея программу; „Искра“ наиболѣе удачно намѣтила основные принципы и планъ партійной организаціи. Ея настойчивое подчеркиваніе важности всесторонней политической агитаціи, ея рѣзкое осужденіе такъ называемаго „экономизма“ навсегда покончили съ періодомъ идейнаго разброда. Особенно плодотворна борьба этого органа со всякими попытками затемнить основные принципы соціаль-демократіи, его неустанное подчеркиваніе классоваго и въ то же время общенаціональнаго характера рабочаго движенія, его энергичный протестъ противъ попытокъ внести въ наше движеніе буржуазные элементы. Если мы находимся въ настоящее время наканунѣ дѣйствительнаго, а не фиктивнаго объединенія Партіи, то главная заслуга въ этомъ принадлежитъ „Искрѣ“. И это создало „Искрѣ“ фактическое положеніе руководящаго органа партіи.

Товарищи! Поскольку всѣ мы принципіально солидарны съ „Искрой“, мы обязаны въ интересахъ дѣла и нашей Партіи признать за нею формально то положеніе, которое создалось фактически! Пора признать „Искру“ нашимъ руководящимъ органомъ!

Сознавая всю важность скорѣйшаго объединенія мѣстныхъ организацій вокругъ центральнаго органа партіи, „Соціаль-Демократическій Союзъ Горно-Заводскихъ Рабочихъ“, отказываясь впредь до созыва съѣзда отъ обсужденія нѣкоторыхъ частныхъ разногласій своихъ съ „Искрой“, воздерживается отъ критики тѣхъ или иныхъ ея недостатковъ и, привѣтствуя заявленіе большинства Комитетовъ, присоединившихся къ „Искрѣ“, объявляетъ ее своимъ руководящимъ органомъ. 18-го апрѣля 1903 года.

Комитетъ Соц.-Демократ. Союза Горно-Заводскихъ Раб. (Юга Россіи).

Екатеринославскій Комитетъ проситъ помѣстить въ „Искрѣ“ слѣдующее заявленіе.

Всего два года прошло со времени появленія „Искры“, и за этотъ сравнительно короткій промежутокъ времени ею сдѣлано не мало. Ожесточенная борьба съ экономизмомъ и свойственнымъ ему шатаньемъ въ области мысли и практики, яркая критика другихъ несоціальдемократическихъ теченій, борьба съ націоналистическими увлеченіями въ нашей партіи, умѣнье будить мысль революціонера, призывъ къ широкому размаху революціонной работы, вотъ славная и вмѣстѣ съ тѣмъ сложная и трудная работа, выполняемая все время „Искрой“. И если теперь мы можемъ съ надеждой смотрѣть на предстоящій съѣздъ партіи, надѣяться, что объединеніе наше будетъ не фиктивнымъ, а вполнѣ дѣйствительнымъ, если мы можемъ думать, что мы наканунѣ созданія партіи, со строго научной программой, политически цѣлесообразной тактикой и прочной и крѣпкой организаціей, — то во всемъ этомъ мы въ немалой степени обязаны „Искрѣ“: ея настойчивый и страстный призывъ къ объединенію, выясненіе основъ истинно соціальдемократической тактики и программы, энергичный протестъ противъ всякаго замалчиванья и неопредѣленностей — все это подготовило, вѣрнѣе, создало почву для объединенія. Жизнь, дѣйствительность — лучшій учитель, и она намъ показала, какъ много вѣрнаго, глубоко правдиваго провозглашалось на страницахъ „Искры“ и „Зари“. Но ликвидація періода раздробленности, кустарничества, шатанья и разброда еще не совсѣмъ закончена: борьба еще ведется, и потому опредѣленное выраженіе своего отношенія къ этой ликвидаціонной работѣ со стороны каждой соціальдемократической организаціи имѣетъ немаловажное значеніе. Екатеринославскій Комитетъ, руководствуясь вышеупомянутыми соображеніями, считаетъ необходимымъ заявить о своей полной солидарности по всѣмъ вопросамъ программы, тактики и организаціи со взглядами „Искры“ и „Зари“ и о признаніи „И.“ и „З.“ своими руководящими органами.

Передъ 1 мая распространены два воззванія „Военно-революціонной организаціи“ — къ офицерамъ и къ солдатамъ. Послѣднее говоритъ подробно о Златоустовскомъ побоищѣ и призываетъ солдатъ не стрѣлять въ рабочихъ.

Въ прокламаціи, изданной по поводу кишиневскихъ звѣрствъ, **Донской** Комитетъ говоритъ:

„Слушайте, граждане, что задумала полиція въ Ростовѣ! Въ день перваго мая, въ день нашего мирнаго праздника свободы она хочетъ обагрить улицы Ростова кровью беззащитныхъ евреевъ, она готовитъ еврейскій погромъ.

„Среди толпы, въ кабакахъ, на берегу она зоветъ бить евреевъ, такъ какъ евреи идутъ противъ царя, такъ какъ евреи — враги народа . . .

„Товарищи, выступая за правое дѣло, мы возьмемъ подъ свою защиту всѣхъ угнетенныхъ, всѣхъ, кто страдаетъ отъ нашего врага — правительства; — мы возьмемъ подъ свою защиту евреевъ!

„Вы, граждане, сознательные и передовые рабочіе съ презрѣніемъ оттолкнете гнусныя предложенія полиціи — вы не пойдете бить евреевъ.

„Но есть толпа, есть люди забитые, не знающіе, куда идти, съ кѣмъ бороться — тѣ люди могутъ послушать полицію, могутъ пойти на евреевъ. Товарищи, мы не допустимъ этого! Помните, какъ въ Тихорѣцкой станицѣ рабочіе выступили въ защиту поруганной чести незнакомой женщины. Они поднялись, какъ одинъ человѣкъ, они разнесли въ щепки полицію.

„Товарищи, ростовская полиція готовитъ еще худшее дѣло. Стремясь опозорить праздникъ перваго мая, она угрожаетъ жизни сотенъ беззащитныхъ людей.

„Товарищи, *мы не дозволимъ этого!*

„Открыто и смѣло возьмемъ мы подъ свою защиту евреевъ, мы грудью своей отразимъ нападеніе опьяненной и подкупленной толпы и полиціи.

„И горе ей! Пусть она знаетъ, что въ этотъ рѣшительный день мы сведемъ старые счеты!

„Пусть она знаетъ, что въ этотъ рѣшительный часъ выльется на нее долго накоплявшіяся народное возмущеніе и злоба.

„Граждане ростовскіе рабочіе, въ нашей жизни еще не было такого великаго часа!

„Въ вашей власти теперь показать всему міру, что мы боремся за правду и справедливость, что боремся за права всѣхъ обиженныхъ, не различая ни племени, ни вѣры.

„. . . Если мы услышимъ, что бьютъ евреевъ, мы всѣ, какъ одинъ человѣкъ, пойдемъ защищать ихъ.

„Мы расправимся съ полиціей за всѣ ея преступленія, мы отомстимъ за кишиневскія звѣрства!“

Съ января по апрѣль **Одесскимъ Комитетомъ** были выпущены слѣдующіе листки: 1) Къ рабочимъ и работницамъ фабрики Вальтуха. 2) Къ приказчикамъ. 3) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ пробочныхъ заводовъ г. Одессы. 4) Къ рабочимъ и работницамъ сахарнаго завода Бродскаго. 5) Ко всѣмъ рабочимъ и работницамъ табачныхъ фабрикъ. 6) Ко всѣмъ рабочимъ (по поводу демонстраціи ж. д. рабочихъ при отправкѣ товарищей изъ тюрьмы) 7) 19 февраля. 8) Ко всѣмъ рабочимъ типографій. 9) Къ пекарямъ г. Одессы. 10) Ко всѣмъ „О манифестѣ 26-го февраля 11) „Воззваніе“. 12) Письмо изъ Томска. 13) Къ обществу (о погромѣ). 14) Къ рабочимъ (о погромѣ).

Въ апрѣлѣ **Петербургскимъ** Комитетомъ изданы листки: 1) къ рабочимъ фабрики Мельцера, 2) о собраніи „Зубатовскаго“ общества, 3) о манифестѣ 26 апрѣля. — **Екатеринославскимъ** Комитетомъ изданы листки, посвященные манифесту 26 апрѣля и майскому празднику.

На **Кавказѣ** передъ 1 мая была распространена въ большомъ количествѣ прокламація „Кавказскаго соціальдемократическаго рабочаго союза“, организовавшагося изъ сліянія трехъ комитетовъ партіи (Баку — Батумъ — Тифлисъ). Прокламація обращается, между прочимъ, къ кавказскимъ крестьянамъ, приглашая ихъ „выйти изъ жалкихъ деревушекъ и придти 1 мая въ города.“ Прокламація разъясняетъ крестьянамъ что спасеніе ихъ — въ присоединеніи къ пролетарскому движенію.

Тульскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П. проситъ насъ передать его сочувствіе еврейскимъ пролетаріямъ, которые сотнями и тысячами гибнутъ въ борьбѣ съ современнымъ капиталистическимъ порядкомъ и на которыхъ съ особенной силой обрушивается гнетъ всероссійскаго самодержавія съ его гнусной полиціей и гнусными органами печати — „Бессарабцемъ“, „Новымъ Временемъ“, „Свѣтомъ“, „Московскими Вѣдомостями“ и т. п. — этими проводниками началъ самодержавія, православія и народнаго невѣжества, этими фактическими виновниками такъ называемыхъ „еврейскихъ погромовъ“.

Центральный Комитетъ **Польской Соціальдемократіи** издалъ воззваніе къ рабочимъ по поводу кишиневскаго погрома и правительственныхъ провокацій въ томъ же духѣ на Литвѣ. „Берегитесь, рабочіе и работницы!“, говоритъ Центр. Ком., указывая на послѣдствія погромовъ, не становитесь орудіемъ въ рукахъ подлыхъ слугъ царизма во вредъ рабочему дѣлу и для торжества царскаго угнетенія“.

„Рабочіе и работницы! Отразите маневры правительства, направленные противъ дѣла свободы! . . . Религіозныя и національныя распри — гибель рабочему дѣлу, и правительство нуждается въ нихъ, чтобы заставить насъ молчать и держать насъ въ рабствѣ.

Не позволяйте убивать евреевъ. И если въ случаѣ новыхъ антисемитскихъ безпорядковъ правительство еще разъ проявитъ бездѣятельность, возьмите сами на себя защиту своихъ братьевъ-еврейскихъ рабочихъ, защиту народа, преслѣдуемаго правительствомъ. Возстановляйте порядокъ, разъ правительство вызываетъ безпорядки.

. . . Наше спасеніе, спасеніе рабочаго народа — въ классовой борьбѣ всего рабочаго класса, включая и еврейскихъ, и русскихъ рабочихъ противъ царскаго ига и противъ эксплуатаціи.“

Митинги протеста противъ правительственныхъ и антисемитскихъ злодѣяній въ Кишиневѣ были организованы въ русскихъ колоніяхъ Парижа, Монпелье, Льежа, Женевы, Лозанны, Берна, Гейдельберга, Лондона, Цюриха, Кётена и Берлина.

На собраніи въ Парижѣ, созванномъ Лигой Рев. Соціальдемократіи и состоявшемся подъ предсѣдательствомъ В. И. Засуличъ, принята 400-ми присутствующими резолюція, клеймящая русское правительство и выражающая надежду на то, что организованный пролетаріатъ воспрепятствуетъ царизму въ дѣлѣ натравливанія одной части населенія на другую. Къ этой резолюціи присоединилось собраніе въ Монпелье; аналогичныя резолюціи приняты и въ другихъ колоніяхъ.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ моей брошюрѣ „Очеркъ петербургскаго рабочаго движенія девяностыхъ годовъ“ имѣется нѣсколько замѣчаній по поводу одного собранія въ Петербургѣ зимою 1897 года, на которомъ велся споръ объ участіи рабочихъ въ тогдашнемъ Союзѣ Борьбы и которое было описано товарищемъ Ленинымъ въ его „Что дѣлать?“. Въ настоящее время, благодаря личному свиданію еще съ однимъ участникомъ этого собранія и послѣ выясненія дѣла въ личной бесѣдѣ съ товарищемъ Ленинымъ, я считаю необходимымъ заявить слѣдующее.

Что касается до дѣленія споривших на старыхъ и молодыхъ, принимавшихъ впослѣдствіе участіе въ „Рабочей Мысли“, то товарищъ Ленинъ и самъ признаетъ, что это его дѣленіе не вполнѣ точно.*)

Съ своей стороны я согласенъ съ тѣмъ, что петербургское массовое рабочее движеніе 1896-97 годовъ и въ особенности столь неожиданная и величественная лѣтняя стачка 1896 г. и организованная январьская стачка 1897 г., потребовавшія крайняго напряженія всѣхъ силъ нашего союза, конечно, оставили свой слѣдъ и на нашемъ міросозерцаніи въ видѣ, быть можетъ, переоцѣнки значенія стачечнаго движенія. Это, разумѣется, даетъ товарищу Ленину нѣкоторое право искать въ сказанномъ времени начало зарожденія такъ называемаго „экономизма“. Но по моему мнѣнію то, чѣмъ мы тогда въ дѣйствительности увлекались, нельзя назвать „экономизмомъ“. Мы увлекались первыми проблесками самосознанія и самодѣятельности широкаго круга рабочихъ, ихъ стремленіемъ къ организованности и къ активной борьбѣ; а отсюда логически вытекало наше стремленіе непремѣнно организовать при Союзѣ группу рабочихъ-агитаторовъ, изъ среды которыхъ Союзъ могъ бы также пополнять свои силы. Впрочемъ, я теперь убѣдился, что наши прежніе споры на счетъ положенія агитаціонной группы въ Союзѣ въ значительной степени должны быть объяснены нѣкоторымъ взаимнымъ непониманіемъ, и я думаю, что дальнѣйшее выясненіе прежнихъ разногласій пора давно сдать въ архивъ, дабы не тратить на него силъ и времени, необходимыхъ для успѣха нашей общей работы.

Петербуржецъ.

*) Именно: неточность моего дѣленія состоитъ въ томъ, что „молодой“, какъ оказалось, защищалъ тогда (въ спорѣ) „старыхъ“, а одинъ „старый“ — „молодыхъ“. Прим. Ленина.

Вышли новыя изданія: 1) Н. Ленинъ. Къ деревенской бѣднотѣ. (Опытъ популяризаціи соц.-дем. программы). 2) Унтеръ-офицеръ. Разсказъ.

ХРОНИКА РЕВОЛЮЦІОННОЙ БОРЬБЫ

С.-Петербургъ. Въ срединѣ мая, по свѣдѣніямъ Красн. Креста, арестовано до 400 чел. рабочихъ.

Въ Самарѣ въ ночь съ 15-го на 16-ое апрѣля были обыски и аресты. Взяты: Алексѣевъ, Аріева (вып.), Бекенскій, Губановъ, Егоровъ, Медвѣдковъ студ., Медвѣдковъ част. пов., Клыковъ раб., двое Морозовыхъ раб., Гурьяновъ раб., Полекъ раб. (вып.), Эрн. Попова акушерка (выпущена черезъ 2 дня), Полянскій студ., Протопоповъ, Свидерскій, Шепелевъ раб., Шепетяевъ раб., 6 булочниковъ, 2 рабочихъ жел.-дор. мастерскихъ, 1 заготовщикъ обуви Сапожниковъ (вып.) и еще одинъ рабочій.

Москва. Лица, сидящія въ Таганской тюрьмѣ: по московскому дѣлу: Теодоровичъ, Вейнштейнъ, Мещеряковъ, Гурвичъ (женщ.), Биронтъ (женщ.), М. А. Олигеръ (женщ.), Акулова. По дѣлу Бѣлостокскаго съѣзда: два Когана, Гурвичъ, Зельдовъ. Одесситы: Красненская, Захарова, Розенфельдъ (женщ.), Гринбладъ, Каширъ, Бернштейнъ, Рудовскій, Барышникъ (женщ.) Изъ Нижняго: Даниловъ, Комоловъ, Кузнецовъ, Никифоровъ, П. Гусевъ, Авдѣевъ. По другимъ дѣламъ: Прозимъ, Градъ, Давыдовъ, Контаринъ, Рогова, Михалевскій.

Саратовъ. Арестованы въ Сердобскомъ уѣздѣ Степановъ, Гусевъ и учительницы Натръ и Андреева; обвиняются въ пропагандѣ среди крестьянъ. Въ Ртищевѣ взято 12 рабочихъ (въ февралѣ), въ связи съ этимъ въ Саратовѣ были обыски и арестованъ раб. Дацкевичъ. Въ Аткарскѣ арестована одна фельдшерица. Въ ночь на 21 марта въ Саратовѣ арестованы: раб. Громадный, Лукьяновъ, Нерсидовъ, Пав. Гусевъ, Вѣра Кесслеръ, Николаевъ (увезенъ въ Казань) и Ткачевъ. Обыски у Календа, Плотниковой, Смирнова и др.

Новочеркасскъ. Въ ночь съ 15 на 16 апрѣля былъ обыскъ у быв. студ. Петерб. Универс. В. П. Литова (сосланъ теперь на 3 года въ Арханг. губ.); на слѣдующую ночь сдѣланъ обыскъ у его брата студ. Харьк. Ун. въ Харьковѣ.

Ярославль. Въ концѣ апрѣля были распространены первомайскія прокламаціи Сѣвернаго Союза. — Арестованы студенты Кучеровъ, Иконниковъ, Немоловскій и др. всего до 8 человѣкъ. Обыскъ у бывшаго студента К. Крылова.

Минскъ. Въ ночь съ 13 на 14 состоялось подъ городомъ собраніе „Бунда“, нагрянула полиція и переписала 160 человѣкъ, изъ нихъ арестовано 60 человѣкъ.

Лодзь. Въ ночь съ 13 на 14 здѣсь было произведено много обысковъ и арестовъ преимущественно среди „Бунда“. Арестовано около 100 человѣкъ, главнымъ образомъ, рабочіе.

Бѣжали: изъ Иркутской губ. (село Верхнеострожское, Балаганскаго уѣзда) 17 апрѣля и благополучно прибылъ за-границу Самуилъ Шапиро, сосланный на 4 года Вост. Сиб. по Ковенскому дѣлу 1901 г.; Давидъ Кацъ, нелегальный, сосланный недавно въ Сибирь послѣ двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія (дѣло Бунда).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Недостатокъ мѣста препятствовалъ намъ до сихъ поръ напечатать нижеслѣдующее воззваніе, содержанію котораго мы, конечно, сочувствуемъ всей душой.

Касса „Помощь Эмигрантамъ“ въ Цюрихѣ.

Все больше разгорающаяся борьба Россіи съ самодержавнымъ строемъ вызываетъ многочисленные побѣги, вслѣдствіе чего политическая эмиграція изъ Россіи приняла систематическій характеръ. Всѣмъ извѣстно, насколько тяжелы для эмигрантовъ матеріальныя условія существованія. Въ виду этого, для возможно цѣлесообразной постановки дѣла помощи эмигрантамъ, въ Цюрихѣ образовалась Касса „Помощь Эмигрантамъ“, которая согласно § 1 устава имѣетъ цѣлью оказывать матеріальную помощь лицамъ, эмигрировавшимъ изъ Россіи по политическимъ условіямъ. Сюда относятся: а) политическіе преступники, бѣжавшіе изъ тюремъ, изъ мѣстъ ссылки и изъ-подъ надзора полиціи; б) лица, эмигрировавшія за границу въ виду грозившаго имъ ареста по политическому дѣлу.

Примѣч. **Касса „Помощь Эмигрантамъ“ оказываетъ помощь нуждающимся эмигрантамъ, подходящихъ подъ § 1, безъ различія партій и организацій, къ которымъ они принадлежатъ.**

Идя на встрѣчу настоятельной потребности, Касса „Помощь Эмигрантамъ“ проситъ всѣхъ сочувствующихъ откликнуться.

Адресъ: **Zürich Hegibachstrasse, 22, Herrn Otto Lang.**

Со всѣми требованіями на нашу литературу просимъ обращаться по слѣд. адресу:

Axelrod, 9, Vogelsangstrasse, Zürich

Типографія „Искры“.